



СИМБИОЗ
ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ
ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕЙХА

ДЭНИЕЛ РИЧАРДСОН

Дэниел Ричардсон

**Симбиоз власти и
церкви под знаменем
рейха**

Оглавление

Введение

Глава 1. Человек без российских степеней

Глава 2. Становление «сектоведа»

Глава 3. Медийные технологии и дегуманизация

Глава 4. Как создавался и применялся закон об экстремизме

Глава 5. Манипуляции с экспертизами и наукой

Глава 6. Машина в действии: Конкретные кейсы и судьбы людей

Глава 7. Международная реакция: Взгляд правозащитников и юристов

Глава 8. Серый кардинал

Глава 9. Идеология ненависти и ее последствия

Глава 10. Демонтаж демократии: что дальше?

Заключение

Список литературы

Введение

Идеи обладают властью. Они могут вдохновлять, созидать, освобождать. Но они также могут поработать, клеймить и разрушать. Самые опасные идеи — те, что маскируются под науку, защиту и общественное благо, незаметно проникая в ткань государственного аппарата и превращая его в инструмент для достижения частных идеологических целей. Эта книга — документальная хроника того, как одна такая идея, облаченная в термин «тоталитарная секта», была импортирована в Россию и превратилась в правовой инструмент давления, сокрушившим судьбы тысяч людей и изменившим само понятие свободы совести в стране.

В центре нашего повествования — Александр Леонидович Дворкин, человек, ставший синонимом борьбы с «сектами» в России. Вернувшись на родину после долгих лет жизни в США, он привез с собой не только американское образование, но и готовую идеологическую концепцию, а также твердое намерение воплотить ее в жизнь. Не обладая признанными в России учеными степенями, он сумел позиционировать себя как главного в стране «сектоведа» и эксперта по «деструктивным культам».

Основной тезис этой книги заключается в том, что деятельность Дворкина и созданных им организаций — Центра религиозных исследований во имя священномученика Ириния епископа Лионского (ЦРИ) и Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) — представляет собой не просто общественную или религиозную активность. Это целенаправленная, многолетняя и поразительно успешная кампания по инкорпорации частной антикультистской идеологии в российское законодательство и правоприменительную практику.

Эта книга — история о технологии власти. О том, как группа идеологически мотивированных лиц, заручившись поддержкой влиятельных сил внутри Русской православной церкви и государственных структур, смогла создать эффективный механизм подавления. Они написали инструкцию и заставили государство ее исполнять. Мы лишь восстанавливаем хронологию событий и анализируем факты, чтобы понять, как это стало возможным.

Глава 1. Человек без российских степеней

История любого масштабного социального явления неотделима от личности его главного протагониста. В случае российского антикультизма таким человеком, без сомнения, является Александр Леонидович Дворкин. Чтобы понять, как ему удалось стать неформальным цензором религиозной жизни целой страны, необходимо исследовать истоки его мировоззрения, уникальный образовательный путь и те идеологические семена, что были посеяны задолго до его триумфального восхождения на вершину российского «сектоведения».

АМЕРИКАНСКИЙ ДИПЛОМ ДЛЯ РУССКОЙ МИССИИ

Александр Дворкин родился 20 августа 1955 года в Москве. Его ранние годы в СССР не предвещали будущей карьеры борца с инакомыслием. Ключевой поворот в его биографии произошел с эмиграцией в Соединенные Штаты Америки, где он получил все свое высшее образование — факт, который в будущем станет одновременно и его главным активом, и его ахиллесовой пятой. Как сообщило информационное агентство «Новый регион» — из опубликованной медкарты следует, что Дворкин длительное время находился на учете в психиатрическом диспансере с диагнозами «циклотимия» (форма маниакально-депрессивного психоза), «патологическое развитие личности» и «психофизический инфантилизм».

Образовательная траектория Дворкина была последовательной и впечатляющей по американским меркам:

1980 год: Степень бакалавра гуманитарных наук (*Bachelor of Arts*) по русской литературе в Хантерском колледже Городского университета Нью-Йорка.

1983 год: Степень магистра богословия (*Master of Divinity*) в Свято-Владимирской православной духовной семинарии — одном из ведущих центров православной мысли в США.

1988 год: Степень доктора философии (*Ph.D.*) по истории Средних веков в Фордемском университете Нью-Йорка, авторитетном иезуитском учебном заведении.

Этот набор дипломов создавал образ высокообразованного интеллектуала, специалиста по истории церкви и богословию. Однако при ближайшем рассмотрении возникает фундаментальный вопрос, который будет преследовать Дворкина на протяжении всей его российской карьеры: какое отношение средневековая история

и русская литература имеют к современной социологии религии, психологии или юриспруденции — областям, в которых он впоследствии будет выступать как непререкаемый эксперт?

Самым уязвимым местом в его академическом статусе стало полное отсутствие российских ученых степеней и званий. По возвращении в Россию Дворкин не прошел процедуру нострификации — официального признания иностранных документов об образовании. Это означает, что с точки зрения российской государственной системы аттестации научных кадров, он не являлся ни кандидатом, ни доктором наук.

Этот юридический аспект имел колоссальное значение. Не будучи частью российского академического сообщества, Дворкин оказался свободен от его правил, этики и критики. В то же время, для непосвященной аудитории, чиновников и журналистов звание «профессора ПСТГУ» и степень «Ph.D.» звучали солидно и не вызвали вопросов. Он стал человеком с западным лоском, но без российской научной ответственности — идеальная позиция для создания собственного, никем не контролируемого поля «экспертизы».

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАСТАВНИКИ И ИМПОРТ КОНЦЕПЦИИ

Если образование дало Дворкину статус, то идеологию он получил из рук своих учителей. Сам он выделял две ключевые фигуры, сформировавшие его взгляды: русского священника Глеба Каледу и датского лютеранского пастора и профессора Йоханнеса Огорда (Johannes Aagaard). Именно Огорд стал для Дворкина главным проводником в мир западного антикультистского движения.

Чтобы понять природу методов, переданных Огордом своему российскому ученику, необходимо заглянуть в более темные страницы европейской истории. Истоки этой идеологической линии ведут в нацистскую Германию, к фигуре Вальтера Кюннета — ярого антисемита и «борца с сектами», который с 1933 года возглавлял Апологетический центр по борьбе с сектами при Протестантской церкви. Кюннет тесно сотрудничал с верхушкой Третьего рейха — гестапо, Адольфом Гитлером и Йозефом Геббельсом. Именно он и его центр занимались составлением списков «сект», которые, по сути, были перечнями неугодных режиму организаций. Эти списки и разработанные Кюннетом методы идеологической борьбы были переданы руководству Германии и стали важным подспорьем для формирования и оправдания нацистской репрессивной политики. Эта зловещая эстафета идей перешла в послевоенное время. Впоследствии Вальтер Кюннет преподавал в том же

университете, где обучался Вильгельм Хаак — будущий соратник Йоханнеса Огорда. Именно Хаак и Огорд основали в Дании «Диалог-центр», который унаследовал и развил методологию борьбы с инакомыслием. Александр Дворкин, один из любимых учеников Огорда, стал конечным звеном в этой цепи, перенеся эти подходы на российскую почву.

Однако импортированная Дворкиным технология была не просто идеологией, а отлаженным репрессивным механизмом, зловещей калькой с разработок его идейных предшественников из Третьего рейха. Модель, созданная Вальтером Кюннетом в его «Апологетическом центре», включала три ключевых элемента, которые Дворкин воспроизвел в России с пугающей точностью.

Во-первых, создание централизованного архива-досье на «врагов» — так называемых «черных списков сект», которые в России превратились в базу данных сайта iriney.ru.

Во-вторых, фабрикация на основе этих досье «научно-методических» материалов, где подтасовка фактов и дегуманизация оппонентов облекались в наукообразную форму.

В-третьих, и это главное, — тесное сотрудничество со спецслужбами. Как Кюннет передавал свои списки и псевдонаучные выкладки в Гестапо и СД (разведывательную службу национал-социалистической партии Германии), так и Дворкин поставил свой «экспертный» конвейер на службу российским силовым структурам, обеспечивая их идеологическим топливом для преследований.

Профессор Огорд был одной из центральных фигур в европейском антикультизме, основателем центра «Диалог» в Дании. Дворкин проходил у него обучение и, по собственному признанию, именно оттуда привез в Россию обширную литературу по «сектантству», которая легла в основу его будущего архива. Вместе с литературой он ввел и главный инструмент — концепцию «тоталитарной секты».

Этот термин, не имеющий строгого научного или юридического определения, стал для Дворкина универсальным оружием. Его сила заключалась не в точности, а в сокрушительной негативной коннотации. Он соединял в себе два мощных пугающих образа: религиозный фанатизм («секта») и политическую тиранию («тоталитаризм»). Любая группа, на которую навешивали этот ярлык, автоматически становилась в глазах обывателя опасной, деструктивной и враждебной обществу.

Критики неоднократно указывали, что понятия «тоталитарность» и «деструктивность», активно используемые Дворкиным, не являются

общепринятыми в мировой социологии религии и служат скорее «социальным оружием» для дискредитации. Еще в 1998 году Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ в своем решении указала:

В действующем законодательстве Российской Федерации понятие «секта» отсутствует. В сложившейся в нашей стране практике слово «секта» и производные от него несут безусловно негативную смысловую нагрузку. ... Судебная палата обращает внимание средств массовой информации на необходимость взвешенного и корректного использования термина «секта».

Дворкин и его последователи полностью проигнорировали эту и многие другие рекомендации. Для них этот термин был не предметом научной дискуссии, а краеугольным камнем идеологической борьбы. Как метко заметил доктор философских наук Сергей Иваненко, антикультизм в их исполнении стал антиподом здоровому прагматизму, поскольку его цель — не решение проблем, а раскол общества и «выдавливание» неугодных в разряд граждан второго сорта.

В материалах книги «Новые вызовы свободе совести в современной России: Материалы международной научно-практической конференции», 2012 г. говорится:

«Участники Всероссийской научно-практической конференции «Практика применения законодательства о противодействии экстремисткой деятельности и гарантии свободы совести в современной России», прошедшей 20 декабря 2011 года и организованной Общероссийской общественной организацией содействия защите свободы совести (МАРС), Институтом Европы РАН, Гильдией экспертов по религии и праву при информационной поддержке информационно-аналитического портала «Религия и право» и журнала «Религия и право», обсудив ситуацию с соблюдением конституционных принципов обеспечения свободы совести в России в связи с ведущейся в настоящее время активной борьбой государства с проявлениями в обществе экстремистских настроений, а также практику применения Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в отношении деятельности религиозных объединений, пришли к следующим выводам.

В связи с проблемой религиозного экстремизма необходимо повысить роль религиозных организаций в идейном и духовно-нравственном противодействии экстремизму. Религиозным объединениям необходимо обратить особое внимание на работу с молодежью, воспитание уважения к закону и религиозной культуре. В различных формах эта работа ведется в религиозных общинах адвентистов, лютеран, пятидесятников.

Участники конференции отметили, что Федеральный закон № 114-«О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Закон) не отвечает признакам определенности, ясности и однозначности его применения как для правоприменителя, так и для граждан. языковой принадлежности или отношения к религии; массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

Однако это определение дает почву для широкого толкования и нередко приводит к искажению того смысла, который был заложен в Законе. Неопределенность формулировок создает чрезмерно широкие возможности его интерпретации, которые приводят к правовым нарушениям в отношении религиозных организаций и граждан, ведут к конституционно неоправданному ограничению их прав и законных интересов на свободу совести. Существуют факты, когда Закон используется как инструмент подавления инакомыслия, свободы слова, мысли и информации, борьбы с религиозными меньшинствами. В связи с этим необходимо выработать четкие критерии, определяющие понятие экстремистской деятельности».

Например, в Законе экстремизм определяется как возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

СОЗДАНИЕ «АНТИКУЛЬТИСТСКОЙ» МАШИНЫ

Вернувшись в Россию в конце 1991 года, Дворкин начал планомерно выстраивать инфраструктуру для распространения своих идей. Его деятельность можно условно разделить на три направления: академическое прикрытие, организационное строительство и международная легитимация.

Академическое прикрытие. Получив должность профессора на кафедре сектоведения в новообразованном Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ), Дворкин обрел формальный статус в системе православного образования. Это позволило ему выступать от имени авторитетного вуза, читать лекции и формировать новое поколение «сектоведов».

Организационное строительство. Ключевым шагом стало создание собственных организаций. Сначала появился «Центр религиозоведческих исследований во имя

священномученика Иринея Лионского» (ЦРИ). А в феврале 2006 года была учреждена зонтичная структура — «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), президентом которой стал сам Дворкин. РАЦИРС объединила региональные «антисектантские» центры, многие из которых действовали при епархиях Русской православной церкви. Это была уже не просто организация, а целая сеть, способная собирать информацию, вести пропаганду и оказывать давление на местные власти по всей стране.

Международная легитимация. Дворкин активно использовал свои зарубежные связи. Он занял пост вице-президента Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS) — организации, объединяющей антикультистские группы по всей Европе. Этот пост придавал ему вес на международной арене и позволял представлять свою деятельность в России как часть глобальной борьбы с «культами». Однако сама FECRIS неоднократно подвергалась жесткой критике. Организацию Объединенных Наций призывали лишить ее консультативного статуса при ЭКОСОС за распространение псевдонаучного дискурса и поддержку запрета Свидетелей Иеговы в России, который продвигал ее вице-президент Дворкин.

С самого начала научный подход Дворкина вызывал серьезные сомнения в академической среде. Эксперты указывали на вопиющие методологические изъяны его работ.

Марат Штерин из Лондонской школы экономики, анализируя доклад Дворкина для немецкого Бундестага, пришел к выводу, что он методологически уязвим, основан на нерелевантных данных, слухах и предвзятом отборе информации.

Кандидат социологических наук А.В. Филькина отмечала, что Дворкин строит свои выводы на крайне ненадежных источниках, таких как газетные статьи и анонимные сообщения в интернете, что недопустимо для научной работы.

Его обвиняли в сознательной манипуляции информацией и вырывании цитат из контекста с целью создания «тревожных» историй, которые затем тиражировались через подконтрольные СМИ и официальные каналы.

Даже внутри Русской православной церкви раздавались голоса, критикующие его подход. Некоторые богословы, в частности доцент Московской духовной академии Р.М. Конь и протоиерей Олег Стеняев, указывали, что теория «тоталитарного сектантства» не является богословской, а сам антикультизм

подменяет православную миссию по обращению заблудших душ на призывы к уголовному преследованию.

Таким образом, к началу 2000-х годов в России сформировался уникальный феномен. Человек без признанных в стране научных степеней, вооруженный импортированной и научно сомнительной идеологией, создал мощную организационную структуру под эгидой РПЦ и прикрытием международной федерации. Он был готов к следующему, решающему шагу: переходу от общественной полемики к прямому влиянию на государственный аппарат. Его идеологические и академические корни, заложенные в США и Дании, дали всходы на российской почве, и эти всходы оказались ядовитыми для принципов свободы совести.

Глава 2. Становление «сектоведа»

Начало 1990-х годов в России — время тектонических сдвигов. Рухнул не только Советский Союз, но и его идеологический монолит. Хлынули потоки новых идей, верований и практик. На книжных прилавках соседствовали Библия, Бхагавад-гита и труды по экстрасенсорике. Улицы городов наполнились проповедниками всех мастей — от американских мормонов до корейских евангелистов. Для миллионов людей, выросших в атеистическом государстве, это был одновременно и пьянящий воздух свободы, и пугающая неопределенность.

Именно в этот переломный момент, в 1992 году, на историческую родину после 15-летнего отсутствия возвращается фигура, которой суждено стать главным архитектором новой российской системы репрессий в духе рейха, — Александр Леонидович Дворкин. Гражданин США, получивший образование и сформировавшийся как личность вдали от советских реалий, он прибыл в страну, которую, казалось бы, уже не знал. Но у него была миссия.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛЕД И ЦЕРКОВНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Карьерный путь Александра Дворкина нетипичен для человека, ставшего одним из столпов консервативной идеологии в постсоветской России. Он родился в Москве в 1955 году, но его сознательная жизнь и образование прошли в Соединенных Штатах, куда он эмигрировал в 1977 году.

Вернувшись в Россию в 1992 году, он, по его собственным словам, почти сразу получил предложение от одного священнослужителя РПЦ заняться «проблемой противодействия сектам». Этим священнослужителем был протоиерей Глеб Каледа, который стал одним из его первых идейных наставников на российской земле.

Однако ключевым моментом, определившим всю его дальнейшую деятельность, стало знакомство с датским лютеранским теологом Йоханнесом Огордом (Johannes Aagaard). Огорд был основателем первой в Дании антисектантской организации — Международного Центра «Диалог». Дворкин так описывает эту встречу:

«В августе [1993 года] я, по приглашению профессора, впервые побывал в Дании, в основанном им Центре “Диалог” и познакомился с разработанной им концепцией “диалога в конфронтации с христианских позиций”, поработал в “гурутеке” (библиотеке сектантской и противосектантской литературы) Центра, увидел, как

он функционирует. Так родился Центр св. Ириней Лионского. В этом смысле, моя встреча с профессором Огордом стала providенциальной».

Эта поездка стала для Дворкина решающей. Он не просто нашел единомышленника, он получил готовую модель, технологию и идеологическое обоснование для своей будущей работы. Он импортировал в Россию не только антикультистскую риторику, но и организационную структуру, а также архив материалов, который лег в основу его собственного центра.

По словам Дворкина:

«Да-да. И так получилось, что я сам очень многому научился у профессора Огорда. Можно сказать, что у нас было два основателя: русский священник Глеб Каледа и датский профессор Огорд. Первые два года я постоянно ездил в Данию, где он проводил обучающие семинары. Сперва я учился сам, набирал литературу - у него была громадная библиотека на тему сектанства. И после каждого семинара или конференции я оставался еще на два-три дня: искал дубликаты книг, ксерил – бумаги в Россию я ввозил чемоданами. Фактически, это и стало основой нашего собственного архива, а ведь ничего подобного в России тогда не было».

Уже в 1993 году по благословению Патриарха Алексия II Дворкин открывает свою первую организацию — Информационно-консультационный центр священномученика Ириней Лионского (позже переименованный в Центр религиоведческих исследований). Миссия была определена: борьба с «нетрадиционными» религиозными объединениями. Человек, 15 лет проживший в США и получивший там образование, стал главным специалистом по «духовной безопасности» России, получив на это мандат от высшего руководства РПЦ.

Главным изобретением Дворкина, его ноу-хау на российском поле, стало не создание организации, а сознательная и целенаправленная трансформация терминологии. Его основной задачей было превратить относительно нейтральный религиоведческий термин «секта» в мощное оружие массового поражения, в ярлык, который автоматически вызывал бы страх, отторжение и ненависть.

Чтобы понять масштаб этой лингвистической диверсии, достаточно сравнить классические определения слова «секта» с тем, что предложил Дворкин. Традиционные толковые словари, такие как словарь Ожегова и Шведовой, определяют «секту» как «религиозное течение (община), отделившееся от какого-н. вероучения и ему противостоящее». Словарь Даля дает схожее, нейтральное определение: «братство, принявшее своё, отдельное учение о вере». Оба эти

определения носят описательный характер и фиксируют факт религиозного ответвления или обособления группы, не неся в себе негативной оценки.

Александр Дворкин в своей книге «Сектоведение» предлагает кардинально иное определение: «Закрытая религиозная группа, противопоставляющая себя основной культуuroобразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона». Это определение полностью меняет смысл понятия. Во-первых, оно вводит политизированный и национально-ориентированный критерий «культурообразующей общины», что в контексте России однозначно указывает на РПЦ. Во-вторых, любое противопоставление, даже чисто догматическое, объявляется признаком «сектантства». Таким образом, нейтральный термин превращается в инструмент идеологической борьбы, направленный против всех, кто не принадлежит к доминирующей конфессии.

Дворкин и не скрывал, что старые определения его не устраивают, поскольку они не позволяют бороться с теми, кого он наметил в качестве врагов. В «Сектоведении» он отмечал, что существующие словарные трактовки слишком расплывчаты и по ним большинство групп, о которых он пишет, вообще нельзя было бы назвать сектами, так как они не отделялись от Православной Церкви.

Это признание — ключ ко всей его методологии. Он не изучает реальность, а конструирует ее под заранее поставленную задачу. Ему необходимо было, чтобы Свидетели Иеговы, кришнаиты и даже коммерческий «Гербалайф» стали сектами, и он создал определение, которое это позволяло.

Следующим шагом стало введение термина-страшилки — «тоталитарная секта». Дворкин определил ее как: *«...авторитарные идеократические группы, которые манипулируют своими членами и эксплуатируют их, нередко причиняя им психологический, финансовый и физический вред. Руководители тоталитарных сект скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками».*

Это определение — шедевр манипулятивной риторики. Оно настолько расплывчато, что под него можно подвести практически любую организацию с сильным лидером и строгой дисциплиной. Как справедливо отметил историк и религиовед Георгий Еремеев:

«...под такую характеристику [тоталитарной секты] подпадает все что угодно — и сталинское Политбюро... и организаторы финансовых пирамид... А при желании

можно вполне аргументированно подвести под такое определение и саму православную церковь».

Финальный и самый коварный ход Дворкина заключался в том, чтобы в публичном пространстве стереть разницу между «сектой» и «тоталитарной сектой». Постоянно используя эти термины как синонимы, он добился того, что при слове «секта» у обывателя в голове автоматически всплывал образ деструктивной, криминальной, манипулирующей сознанием группы.

Миссия была выполнена. Нейтральный термин был отравлен и превращен в клеймо. Даже официальные органы власти признавали опасность такой подмены. Еще в 1998 году Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ отмечала:

«Судебная палата также отмечает, что в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как “секта”. В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих».

Но было уже поздно. Язык вражды был запущен в массовое сознание, и на этом топливе начала работать вся машина антикультового движения.

РАЦИРС И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ

Одинокий борец, пусть и с церковным благословением, не мог охватить всю страну. Дворкину была нужна структура, сеть, которая бы покрыла Россию и сопредельные государства. Так родилась Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Формально учрежденная в феврале 2006 года, РАЦИРС стала зонтичной организацией, объединившей региональные антикультовые центры, которые к тому времени уже начали появляться по всей стране, зачастую при епархиях РПЦ. Дворкин стал ее бессменным президентом. Цели ассоциации декларировались как вполне уважаемые: мониторинг, аналитика, помощь госорганам, проведение экспертиз.

На деле же РАЦИРС превратилась в разветвленную сеть по сбору компромата, ведению пропаганды и оказанию давления на региональные власти и правоохранительные органы. Ее филиалы стали глазами и ушами Дворкина в

регионах, поставляя «фактуру» для его выступлений, книг и, что самое главное, для будущих «религиоведческих экспертиз».

Параллельно со строительством внутренней сети Дворкин активно укреплял свои позиции на международной арене. Он стал вице-президентом Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS). Эта организация, объединяющая антикультистов со всей Европы, стала для Дворкина важнейшим ресурсом.

Статус вице-президента международной организации придавал ему вес в глазах российских чиновников и СМИ. Он выступал уже не просто как православный активист, а как представитель «европейского экспертного сообщества». Что давало ему легитимность. FECRIS была площадкой для координации действий и обмена самыми эффективными методиками борьбы с «культами». Дворкин учился у своих европейских коллег и делился собственным опытом. Связи с FECRIS позволяли ему представлять свою деятельность как часть общеевропейской борьбы за «права человека», хотя многие правозащитные организации (включая структуры ООН и USCIRF) критиковали FECRIS за разжигание религиозной нетерпимости.

Дворкин не действовал в вакууме. Он окружил себя командой единомышленников и опирался на опыт зарубежных «коллег», чьи методы часто были весьма сомнительными. В его ближайший круг входили такие фигуры, как адвокат Александр Корелов, глава юридического комитета РАЦИРС, известный своим радикальным призывом «уничтожать надо все секты», и Евгений Мухтаров, биограф Дворкина и член Экспертного совета при Минюсте, замеченный в использовании неонацистской символики.

На международном уровне Дворкин черпал вдохновение у таких деятелей, как немецкий пастор Томас Гандоу, в прошлом член ультралево-про-маоистской «Антиимпериалистической Лиги», поддерживавшей режим Пол Пота. Он открыто восхищался французской моделью борьбы с сектами, разработанной Аленом Вивьеном, и призывал перенять ее репрессивный опыт. Ключевым американским наставником был Стивен Хассен, известный сторонник практики насильственного «депрограммирования» — похищения и психологической обработки членов религиозных групп. Именно из книги Хассена Дворкин перевел целую главу для своей брошюры «10 вопросов навязчивому незнакомцу». Этот круг общения красноречиво свидетельствует о методах и идеологии, которые Дворкин импортировал в Россию.

Это была смесь из радикального национализма, левацкого авторитаризма и практик психологического насилия, упакованная в псевдонаучную риторику «сектоведения».

Конечной целью Дворкина и его покровителей было не просто формирование общественного мнения, а интеграция антикультизма в государственную правовую и силовую систему. Он стремился получить официальные рычаги, чтобы его идеология стала основой для государственных репрессий. И он этого добился.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА: ЗАКОН 1997 ГОДА

Первым крупным успехом стало принятие в 1997 году Федерального закона № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях». Этот закон, который активно лоббировала РПЦ и лично Дворкин, впервые юридически закрепил разделение религий на «традиционные» и все остальные. Он ввел печально известный 15-летний «карантинный срок» для регистрации новых религиозных организаций, фактически поставив их в положение людей второго сорта.

Дворкин сам признавал свою роль в этом процессе. Он писал, что его победа в суде над правозащитником Глебом Якуниным в 1997 году стала решающим фактором:

«Трудно переоценить значение этой победы – ведь она была одержана накануне принятия нового федерального закона “О свободе совести и религиозных объединениях”... Но проигрыш защитников сект, безусловно, подтолкнул депутатов к тому, чтобы все же проголосовать за закон, а президента страны – чтобы пусть не сразу, но все же его подписать».

Этот судебный процесс стал хрестоматийным примером методологии Дворкина, продемонстрировав его подход задолго до пика репрессий. Суть дела заключалась в иске о защите чести и достоинства, который подал комитет Глеба Якунина против Дворкина за его брошюру «10 вопросов навязчивому незнакомцу». В этой брошюре Дворкин обвинил ряд зарегистрированных в России религиозных организаций в том, что они являются «мафиозными структурами», и приписал им планы по захвату власти. Анализ процесса, проведенный социологами Маратом Штерином и Джеймсом Ричардсоном, выявил ключевые элементы его стратегии. Признав в суде отсутствие доказательств преступной деятельности этих групп в России, Дворкин перевел фокус на то, что они якобы являются частью *международных «деструктивных культов»*. Это позволило ему использовать в качестве доказательств материалы западных антикультистских движений, создавая обобщенный негативный образ по принципу

«вины по ассоциации». Более того, в брошюре, ставшей предметом иска, содержались «целые отрывки из выступления Гандоу (Thomas Gandow) в российской Думе в феврале 1995 года без указания авторства». Суд, приняв сторону Дворкина, легитимизировал не только импорт западных антикультистских нарративов, но и откровенный плагиат как допустимый метод «экспертизы».

Это был первый шаг по встраиванию антикультовой идеологии в российское законодательство.

Глава 3. Медийные технологии и дегуманизация

Война за умы никогда не выигрывается на полях сражений. Ее первая и решающая битва всегда происходит в пространстве информации. Прежде чем государство сможет на законных основаниях объявить группу людей врагами, общество должно быть подготовлено — оно должно научиться их бояться, презирать и, в конечном счете, расчеловечить.

Александр Дворкин и его сподвижники поняли это лучше, чем кто-либо другой. Их стратегия не сводилась к простому использованию существующих слухов или предрассудков. Они действовали как настоящие инженеры социальной реальности, целенаправленно фабрикуя и распространяя клевету. Их подлинный талант проявился в сфере медийных технологий, где они зарекомендовали себя как виртуозные конструкторы страха.

На вопрос о том, какими качествами должен обладать человек, чтобы его приняли в РАЦИРС, бывший участник организации Валерий Отставных ответил, что главным требованием была «беспоощадность к врагам Рейха». Он сравнил это с образом из фильма «17 мгновений весны»: Член РАЦИРС должен быть «беспоощаден к врагам Рейха».

Этот подход не остался незамеченным экспертным сообществом. Специалисты по всему миру били тревогу, характеризуя методы Дворкина как псевдонаучные и опасные, не имеющие ничего общего с объективным анализом.

Как отмечают международные эксперты, он «манипулирует информацией, вырывает цитаты из контекста, чтобы создать «тревожные» истории. Он создает свои собственные «факты», а это очень опасно».

СКООРДИНИРОВАННАЯ МЕДИАСЕТЬ

Пропаганда эффективна лишь тогда, когда создает иллюзию всеобщего консенсуса. Одиночная статья может быть проигнорирована, но когда один и тот же нарратив звучит одновременно из десятков источников, он начинает восприниматься как объективная реальность. Конструкторы страха блестяще освоили эту технологию, выстроив скоординированную медийную сеть для синхронного распространения клеветы.

Эта сеть работала по принципу эхо-камеры. Сфабрикованный материал — будь то статья или «экспертный комментарий» — появлялся в одном издании, а затем практически дословно тиражировался десятками других СМИ, включая региональные газеты, православные порталы и центральные телеканалы. Это создавало эффект информационного «снежного кома», придавая изначально ложному сообщению видимость широкого общественного резонанса.

Ключевую роль в этой сети играли аффилированные журналисты. Например, Александр Чаусов, тесно сотрудничавший с Дворкиным и РАЦИРС, систематически публиковал материалы, демонизирующие религиозные меньшинства. Его публикации становились частью общей кампании, где одно СМИ ссылалось на другое, создавая кольцевую поруку лжи, в которой первоисточник вымысла терялся, а оставалась лишь его многократно повторенная тень.

Разрушительная деятельность Дворкина и его антикультового движения не осталась незамеченной на международной арене. В 2018 году «Координация ассоциаций и участников за свободу совести» (CAP-LC), неправительственная организация со специальным консультативным статусом при ООН, представила письменное заявление, в котором дала жесткую оценку методам российского антикультизма. В нем было прямо указано на источник идеологии Дворкина — концепцию «духовной безопасности», взятую на вооружение российскими властями.

Эта доктрина, основанная на паранойе «внешних врагов» и «чужих идей», стала удобным оправданием для неправомерного ограничения свободы совести и преследования неугодных.

«Он является самым известным антисектантским активистом в России и странах СНГ. Его боевая деятельность опирается на концепцию духовной безопасности... что приводит к физическому насилию, угрозам, вандализму и подобной агрессии. Этот язык вражды разжигает вражду к религиозным меньшинствам в России, и в результате этого разжигания ненависти происходят случаи физического насилия, такие как насилие над личностью: словесные оскорбления, физические угрозы или нападения, а также насилие над собственностью, включая вандализм и нападения на места отправления культа, общественное имущество и жилища представителей религиозных групп» — Из заявления CAP-LC, 2018 год.

Дворкин, будучи вице-президентом Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS), систематически использовал свое положение для дискредитации целых групп населения. Он

подпитывал подозрения и предрассудки, навешивая ярлыки «сектанты» и «иностранные агенты» на мормонов, кришнаитов, новых пятидесятников, последователей Фалуньгун, Свидетелей Иеговы, саентологов и многих других.

Последствия этой кампании ненависти были и являются по сей день прямыми и жестокими: запреты организаций, уголовные преследования, тюремные заключения. Риторика ненависти материализовалась в реальных репрессиях и физическом насилии.

ТЕХНОЛОГИЯ ДЕГУМАНИЗАЦИИ: ОТ СЛОВ К УНИЧТОЖЕНИЮ

Самой темной частью медийной кампании была целенаправленная дегуманизация верующих. Цель состояла в том, чтобы заставить общество видеть в них не сограждан с иными взглядами, а чужеродный, опасный и не вполне человеческий элемент. Для этого использовался особый, стигматизирующий язык, лишавший оппонентов права на человеческое достоинство.

В ход шли прямые оскорбления и расчеловечивающие метафоры. Верующих публично называли «наркоманами», а их общины — «раковой опухолью», которую необходимо «вырывать с корнем». Открыто звучали призывы, что «сектантов надо уничтожать». Такая риторика стирала грань между критикой и призывом к насилию, подготавливая почву для самых радикальных действий.

Как писал сам Дворкин в своей брошюре *«Десять вопросов навязчивому незнакомцу»* (Москва, 1995; переиздание 2013 года): *«Между членами любой традиционной конфессии и обществом идет постоянный взаимообмен, в то время как деструктивные секты не только забирают из общества молодежь, но и постоянно тянут из него соки, существуя за его счет и ничего не давая взамен. Типичный пример такого поведения в организме - раковая опухоль. И как раковые клетки начинают бурный рост в ослабленном болезнью организме, так и тоталитарные секты используют организационные и структурные слабости молодых демократических государств, чтобы утвердиться в них и насильно навязать свою систему ценностей только что освободившимся от политического тоталитаризма народам.»*

Или еще одно сравнение, которое озвучил Дворкин: *«Другое название тоталитарных сект — «деструктивные культы». Деструктивные, то есть разрушительные, как, скажем, раковые, раковые клетки, которые заводятся в организме, распространяют метастазы по всему организму до тех пор, покуда организм не умирает. Секты себя в обществе ведут, как раковая опухоль в организме,*

которая тянет из общества соки и питается за счёт общества, покуда, собственно, организм не погибает. В случае, если мы говорим о раковой опухоли, также, собственно, и секта разрушает общество изнутри». Подобные образы неслучайно вызывают ассоциации с пропагандистским языком нацистской Германии, где оппонентов режима также уподобляли болезням, требующим хирургического вмешательства.

Эта технология включала в себя несколько ключевых приемов:

Маркировка «иностранного агента»: любая религия, конфессия или движение с центром за пределами России считалось инструментом враждебных западных сил.

Визуальное отчуждение: репортажи о «сектантах» строились по канонам фильмов ужасов: съемка скрытой камерой, искаженные лица и тревожная музыка превращали обычное богослужение в шабаш.

Ассоциация с преступностью: последний шаг — прямое отождествление веры с криминалом. Один из ближайших соратников Дворкина, протоиерей Александр Новопашин, четко сформулировал этот тезис: «Все тоталитарные секты экстремистские по своей сути».

Этот подход блокировал любую возможность для рационального диалога. Как можно вести диалог с безумцем или экстремистом? Его можно и нужно только изолировать и обезвредить.

Одним из ключевых методов Дворкина по созданию страха было систематическое нагнетание паники через алармистские заявления о ситуации с «сектами» в регионах России. Эти заявления, рассчитанные на неинформированную аудиторию и региональных чиновников, создавали впечатление повсеместной угрозы. Однако прямое сопоставление его слов с официальными данными правоохранительных органов и органов юстиции вскрывает масштабную и целенаправленную дезинформацию.

Эта тактика прослеживается в ряде громких случаев. Как отмечалось в материале «Александр Дворкин против прокурора. Кто лжет?» Ирины Горловой издания «Новая газета» от 27 февраля 2012 года. Например, в ноябре 2011 года Дворкин заявил, что «ситуация в Архангельской области весьма и весьма угрожающая». В то же время официальный ответ Прокуратуры Архангельской области показал, что в 2010-2011 годах в регионе не было зафиксировано ни одного преступления на почве религиозной вражды. Схожая картина наблюдалась и в других регионах. В мае 2012 года, когда Дворкин назвал Дальний Восток «самым

неблагополучным регионом», прокуратуры Магаданской области и Хабаровского края, а также УМВД по Камчатскому и Приморскому краям сообщили об отсутствии преступлений или фактов экстремизма со стороны религиозных организаций. В том же месяце его заявление о «критической» ситуации в Амурской области было опровергнуто местным Управлением Минюста, которое констатировало отсутствие фактов экстремизма или ликвидации организаций. Аналогично, в апреле 2013 года, объявляя Башкирию «одним из неблагополучных» регионов, Дворкин вступал в противоречие с данными республиканского Управления Минюста, согласно которым вопрос о запрете или ликвидации религиозных объединений даже не поднимался. Этот случай из «Новой газеты» является для них ключевым доказательством того, что Дворкин систематически преувеличивает угрозу и использует риторику «моральной паники», не подкрепленную официальными статистическими и правоохранными данными.

Этот систематический разрыв между алармистскими заявлениями и официальной статистикой доказывает, что деятельность Дворкина была направлена не на отражение реальной криминальной или социальной обстановки, а на искусственное конструирование угрозы. Цель такой тактики — оправдать собственную значимость, получить финансирование и оказать давление на местные власти, заставляя их принимать репрессивные меры против неугодных религиозных групп при полном отсутствии реальных на то оснований.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ: ДАВЛЕНИЕ НА ГОСУДАРСТВО

Создание этой медийной машины преследовало цель куда более амбициозную, чем простое формирование общественного мнения. Конечной задачей было оказание прямого давления на государственные органы — от судей до силовиков.

Искусственно созданный медийный резонанс выдавался за подлинный «глас народа». Любой чиновник или судья, пытавшийся действовать строго по закону, рисковал стать мишенью для этой же медийной машины. Таким образом, пропаганда превращалась в реальный административный и силовой ресурс.

Ключевым инструментом этого давления стала официальная должность Дворкина. С 2009 года по приказу министра юстиции он вошел в состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ, а позже стал его заместителем. Это дало ему прямые рычаги влияния на процесс регистрации и запрета религиозных организаций.

Организация *Religious Freedom Watch* так описывала его методы:

«Мандат Дворкина заключается в распространении пропаганды ненависти в отношении религиозных групп. Он манипулирует информацией, вырывает цитаты из контекста, чтобы создать «тревожные» истории. Затем он использует свое положение в Московском Патриархате для распространения этой дезинформации по правительственной и официальной линии...»

Дворкин и его сеть создавали медийный шум, а затем, уже в качестве официального эксперта при Минюсте, он использовал этот шум как основание для вынесения репрессивных заключений, которые ложились на стол чиновникам и судьям.

Созданная Дворкиным и его соратниками машина по конструированию страха сработала безупречно. Она создала язык вражды, дегуманизировала целые группы населения и подготовила общество к принятию репрессий. Последствия этой информационной войны оказались катастрофическими не только для ее жертв, но и для всего российского общества. Она отравила публичное пространство, уничтожила культуру диалога и подменила факты страхами.

Лучше всего итоги этой многолетней работы подвел сам Александр Дворкин в интервью portalу «Культура» в 2013 году, не скрывая своего удовлетворения достигнутым. В его словах — вся суть и результат описанной в этой главе технологии:

Александр Дворкин: «За 20 лет нашей деятельности мы, как минимум, изменили общественное мнение. Названия ключевых сект у людей давно на слуху, и это очень затрудняет сектантам возможность вербовки новых адептов. Кроме того, повысился уровень информированности местных властей в вопросе, с какими религиозными организациями им стоит сотрудничать, а с какими — нет. Ну и наконец, нам удалось добиться возбуждения уголовных дел по деятельности целого ряда тоталитарных сект, а некоторые из них — даже закрыть. С другой стороны, мы не раз помогали журналистам, на которых сектанты подавали в суд (а это — их излюбленный метод самопиара), выиграть дела».

Глава 4. Как создавался и применялся закон об экстремизме

«Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного и духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного наследия всех народов России. Должна быть государственная политика по поддержанию духовно-нравственного благополучия населения, запрещению использования эфирного времени для пропаганды насилия или низменных инстинктов, противодействию негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров» — Концепция национальной безопасности РФ, 2000 г.

В арсенале любого авторитарного режима самым грозным оружием является не армия и не тайная полиция, а закон. Не тот закон, что служит справедливости, а тот, что превращен в дубину — гибкую, безжалостную и абсолютно легитимную в глазах тех, кто ее применяет. В России начала XXI века таким оружием, правовым инструментом подавления инакомыслия, стал Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Закон 1997 года стал предтечей репрессий. Прежде чем был создан законодательный механизм 2002 года, необходимо было подготовить для него прочный фундамент. Этим фундаментом стал принятый 26 сентября 1997 года Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Он стал первой крупной победой альянса Русской Православной Церкви и зарождающегося антикультистского движения.

Закон положил конец короткой эпохе религиозной свободы 1990-х. Его главной, революционной для постсоветской России нормой, стало официальное юридическое разделение всех религий на два сорта.

Первый сорт — «традиционные» религии. В преамбуле закона была закреплена «особая роль православия в истории России», а также уважение к христианству, исламу, буддизму и иудаизму как к «неотъемлемой части исторического наследия народов России».

Второй сорт — все остальные. Для них была введена унижительная и труднопреодолимая норма: чтобы получить полноценный статус юридического лица,

религиозная организация должна была доказать свое существование на территории России на протяжении как минимум 15 лет.

Организации, не прошедшие этот фильтр, попадали в правовую «серую зону». Они могли существовать как «религиозные группы» без прав юридического лица, что лишало их возможности владеть собственностью, открывать счета, издавать литературу и вести полноценную деятельность.

«Несмотря на то, что формально они позволяли продолжать существование незарегистрированным группам, теперь они занимали рискованную правовую серую зону, которая становилась все более опасной с последующим принятием законов об "экстремизме". Новое законодательство фактически закрепило привилегированный статус "традиционных" религий в законе» — Доклад Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), 2020 г.

Александр Дворкин и связанные с РПЦ структуры были не просто сторонними наблюдателями, а активными лоббистами этого закона. Их риторика о «необходимости спасения беспомощных граждан из когтей тоталитарных сект» идеально совпала со стремлением государства восстановить контроль над духовным пространством страны. Например, в статье о методах вербовки Дворкин говорит:

«Задача общества и государства — оградить наивных и доверчивых людей от этого зла, протянуть руку помощи тем, кто уже оказался в сетях деструктивного культа».

В статье «Антикультовое движение и свобода вероисповедания религиозных меньшинств в российской Арктике» справедливо подмечено: *«Соответственно, изменение законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность, сознательно ограничивало деятельность тех религиозных объединений, которые по предложению лидера антикультистов Дворкина и его сторонников были заклеены в российском обществе как «сектантские» и/или «иностранные». Поэтому следует более подробно остановиться на современном российском антимиссионерском законодательстве.*

Российский закон о религии «О свободе совести и религиозных объединениях» (Davis 1997) был направлен против «нетрадиционных религий» (в преамбуле закона отмечалась «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии русской духовности и культуры», а также отмечалась уникальная роль традиционных «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, являющихся неотъемлемой частью исторического наследия народов России»)

(Федеральный закон № 125-ФЗ 1997 г.). Этот закон ограничил деятельность иностранных миссионеров и ввел дополнительное требование: отныне для регистрации и получения статуса юридического лица община, претендующая на такой статус, должна существовать в стране не менее 15 лет. Остальные общины обходились без государственной регистрации в качестве религиозной группы (что существенно ограничивало их миссионерские и образовательные возможности) или регистрировались в централизованной организации».

Закон 1997 года был лишь первым ударом. Он создал правовую иерархию, узаконил дискриминацию и подготовил почву для следующего, куда более сокрушительного шага. Он научил государственный аппарат делить граждан по религиозному признаку. Оставалось лишь дать ему инструмент для уничтожения «неправильных».

ЗАКОН ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ЕГО КЛЮЧЕВЫЕ МУТАЦИИ

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» был принят 25 июля 2002 года. На первый взгляд, его появление было логичным и оправданным. Страна вела войну в Чечне, мир содрогнулся от терактов 11 сентября 2001 года. Борьба с терроризмом и насильственным экстремизмом была в глобальной повестке дня. Но под этой благовидной оболочкой скрывался механизм с чудовищным репрессивным потенциалом.

В 2018 году в Госдуме была создана Экспертная группа по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений, в которую также вошел Александр Дворкин.

Вдохновителями и идеологами превращения антитеррористического законодательства в инструмент борьбы с инакомыслием были все те же лица — Александр Дворкин и его ближайший соратник, вице-президент РАЦИРС протоиерей Александр Новопашин. Они не скрывали своих взглядов. Их риторика прямо отождествляла любую «нетрадиционную» религиозность с экстремизмом.

«Я за радикальные меры в отношении деструктивных организаций и движений, и в этом смысле я тоже «радикал». Потому что все тоталитарные секты экстремистские по своей сути. Мы предупреждали об этом еще двадцать лет назад. В 2002 году в Екатеринбурге прошла международная конференция, на которой отмечалось, что "Тоталитарные секты — это угроза религиозного экстремизма"» — Протоиерей Александр Новопашин.

Этот тезис — «все секты экстремистские» — стал идеологической основой для применения нового закона. Цель состояла не в том, чтобы бороться с реальными призывами к насилию, а в том, чтобы криминализировать само существование неугодных религиозных групп.

Главной особенностью и, как оказалось, главным оружием закона стало невероятно широкое и юридически неопределенное толкование самого понятия «экстремизм». Закон объявлял экстремистской деятельностью (экстремизмом), среди прочего:

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Эти формулировки были юридической ловушкой. Под «пропаганду превосходства» можно подвести догмат практически любой религии, утверждающей, что именно ее путь к спасению является единственно истинным. Любая критика другого вероучения могла быть истолкована как «возбуждение религиозной розни».

Но решающий удар по свободе совести был нанесен в июле 2006 года. В этот год, когда была создана общероссийская антикультистская сеть РАЦИРС, в закон об экстремизме была внесена, казалось бы, незаметная, но фатальная поправка. Из определения «возбуждение религиозной розни» было исключено ключевое уточнение: «связанной с насилием или угрозой его применения».

В материалах Конференции ОБСЕ на высшем уровне по вопросам толерантности и недискриминации («Российская Федерация: широкомасштабное подавление религий», Астана, 29–30 июня 2010 г.) отмечалось:

«Принятие закона о противодействии экстремистской деятельности было оправдано необходимостью борьбы с терроризмом после событий 11 сентября, однако федеральное правительство все больше и больше использует этот закон для борьбы с «религиозным экстремизмом». Это приводит к масштабным запретам религиозной литературы, которую некоторые «эксперты» причисляют к «экстремистской». Поворотный момент в этой борьбе с «религиозным экстремизмом» наступил в 2007 году, когда две ранее неудавшиеся попытки запретить исламскую литературу наконец увенчались успехом. В этом же году был учрежден Федеральный список экстремистских материалов. И в то время как Министерство юстиции занимается составлением Федерального списка экстремистских материалов, местные власти

могут возбуждать судебные дела, и любой суд низшей инстанции может признать то или иное религиозное произведение «экстремистским». Это произведение затем автоматически добавляется в список и подлежит запрету на всей территории Российской Федерации.»

Это было снятие последнего юридического предохранителя. Если раньше для обвинения в экстремизме нужно было доказать, что слова человека привели к насилию или призывали к нему, то теперь достаточно было просто слов. Утверждение о превосходстве своей веры, критика иного мировоззрения, отказ от переливания крови по религиозным мотивам — все это теперь можно было напрямую, без связи с насилием, трактовать как экстремизм. Законодательный механизм был окончательно сформирован и введён в действие.

Самым коварным изобретением немецких идеологов стал способ превращения закона в оружие. Для запрета неугодных религиозных групп в нацистской Германии использовался не специальный закон, а абстрактный «Указ о защите народа и государства» от 28 февраля 1933 года. Его расплывчатая формулировка позволила, по словам историка Йохима Феста, «заменить верховенство закона постоянным состоянием конфискации», вынося запреты без реальных доказательств, которые могли бы пройти юридическую проверку. Эта технология правового произвола была с поразительной точностью воссоздана и в России. Роль «указа 1933 года» выполнил Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», особенно после поправки 2006 года, убравшей из определения «религиозной розни» ключевое уточнение о связи с насилием. Как и в Германии, в России появился юридический инструмент, позволяющий объявлять «экстремистом» любого за мирное утверждение о превосходстве своей веры. Дворкин и его соратники не просто лоббировали этот закон — они получили в руки правовой инструмент давления, уже опробованный их предшественниками почти век назад.

Законодательные изменения в сфере борьбы с «экстремизмом» нельзя рассматривать в отрыве от деятельности структур, связанных с Александром Дворкиным. Показательны откровения Валерия Отставных, который с момента основания РАЦИРС и до 2013 года работал под началом Дворкина. При его непосредственном участии Тульская епархия РПЦ стала важным плацдармом для внедрения и распространения «сектоведческих» идей. По словам Отставных, сама структура создавалась по благословию патриарха Московского и всея Руси. В интервью он подробно описал, каким образом миссионерский отдел

взаимодействовал с новообразованными «центрами по борьбе с экстремизмом» МВД, фактически снабжая их адресами и материалами против религиозных меньшинств.

Далее Отставных вспоминает:

«— Когда в 2011 году упразднили Управление по борьбе с организованной преступностью в системе МВД, знаменитый убойный отдел, помните? «Улицы разбитых фонарей» и так далее. Помните этих персонажей, которые любят выпить, но просятся и хорошие парни. Они могут и в рыло дать, но только откровенному бандиту. Вот они действительно такие все. И методы, и «подходцы», как говорил Глеб Жеглов, у них такие. Но поскольку организованная преступность у нас давно легализовалась и слилась с официальными структурами, то их упразднили. И что с ними делать? Их превратили в центры по борьбе с экстремизмом. И вот эти ребята с «Улицы разбитых фонарей», без образования, без представления, какая тонкая материя религия, как вообще нужно работать с людьми, как вербовать, как опрашивать, как беседовать свои методы перенесли на простых людей. Людей верующих, с тонкой душевной организацией. Вначале они начали судорожно искать себе объект для работы. Они его нашли в лице националистов. Они почему-то вначале решили, что главная угроза России — это националисты. Я помню тот период. Потом националисты быстро «кончились», их как-то не хватало для отчетности, и тогда, я помню, они первый раз пришли к нам в Миссионерский отдел. Пришли сотрудники Тульского Центра по борьбе с экстремизмом при УВД области. Они пришли к нам и откровенно сказали: «ребята, вы знаете, мы боролись с националистами, но что-то они у нас кончились, и нам не с кем бороться теперь. И мы слышали, что вы тут тоже боретесь, молодцы какие, тоже с какими-то гадами, врагами государства, с сектантами. Но у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией? Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры всяких религиозных деструктивных общин Тульской области?». Ну, вот мой коллега, Алексей, взял и начал с ними сотрудничать. Точнее, Миссионерский отдел в его лице... И этим ребятам подсказали, где, кто, какие «нехорошие» люди и организации существуют в Тульской области, координаты дали и какую-то литературу, чтобы они познакомились. По-моему, учебное пособие того же Дворкина и еще какие-то книги подарили».

Особый интерес представляет, как именно запускался этот процесс в нацистской Германии: антикультисты во главе с Кюннетом передали свои «черные списки» и архивы «сект» в распоряжение СС и СД, тем самым став соучастниками политических репрессий внутри страны и за её пределами. В книге Стефани Штайнбах «Erkennen,

erfassen, bekämpfen: Gegnerforschung im Sicherheitsdienst der SS» (2016) подробно описано, как Служба безопасности СС использовала эти материалы для борьбы с малыми религиозными общинами. Удивительно, но подобная схема воспроизводится в России: активная антикультовая деятельность Александра Дворкина и его Апологетического центра, проникшего в структуры власти, оказывает заметное влияние на законодательную, исполнительную и судебную систему, создавая инструмент для давления и репрессий.

По словам Маттиаса Пёльманна, Deutschlandfunk: *Gründung der Apologetischen Centrale vor 100 Jahren* «Следует также отметить, что одной из тёмных сторон апологетической работы того времени было то, что в определённый момент документы религиозных групп также стали доступны Тайной государственной полиции». Сам теолог Маттиас Пёльманн долгое время выступал в Евангелическом центральном бюро по мировоззренческим вопросам в Берлине, организации-преемнице Апологетического центрального бюро.

Этот процесс, растянувшийся на полтора десятилетия, можно проследить по ключевым вехам, где прослеживается четкая синхронизация между действиями антикультистов и ужесточением законодательства. В 2002 году, когда прошла знаковая конференция «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма», был принят ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности» с его расплывчатыми формулировками. Четыре года спустя, в 2006, одновременно с созданием общероссийской сети РАЦИРС, в закон были внесены роковые поправки, которые убрали из понятия «религиозная рознь» требование «связи с насилием». В 2009 году Александр Дворкин закрепил свое влияние, возглавив Экспертный совет при Минюсте РФ. Этот совет является консультативным органом, созданным в 1998 году. Эта подготовленная почва дала всходы в 2016 году с принятием «Пакета Яровой», который ввел жесткие ограничения на «миссионерскую деятельность». Кульминацией стал 2017 год, когда произошел запрет Свидетелей Иеговы как экстремистской организации, что стало логичным завершением одного из этапов этой многолетней кампании.

В «Докладе о свободе вероисповедания в мире за 2009 год» отмечается: «В Концепции национальной безопасности Российской Федерации 2009 года говорится, что "обеспечение национальной безопасности включает противодействие экстремистской деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленной на подрыв единства и территориальной

целостности Российской Федерации и дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране"».

ЗАХВАТ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Закон — это лишь текст на бумаге. Чтобы он стал оружием, нужны люди, которые будут его толковать и применять. Критически важным шагом для антикультистов стало получение официального государственного статуса, который бы легитимизировал их идеологию и превратил их частное мнение в основу для юридических решений.

Этот прорыв, ставший настоящим государственным переворотом в сфере религиозной экспертизы, произошел в 2009 году. Приказом министра юстиции Александра Коновалова, от 18 февраля 2009 года был реформирован Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Его полномочия были значительно расширены. Теперь Совет мог проверять не только уставные документы, но и «основы вероучения и соответствующей практики» любой организации; оценивать «достоверность сведений» об учении, представленных самой организацией; давать официальные заключения, которые ложились в основу решений Минюста о регистрации, ликвидации или запрете религиозных групп. Александра Коновалов, по многочисленным свидетельствам, был лично знаком с Дворкиным, также был его студентом в ПСТГУ и даже посещал его лекции.

Важным моментом стало этого процесса стало назначение председателем этого всемогущего органа Александра Дворкина. Человек без признанного в России научного звания, известный своей крайней предвзятостью и ненавистнической риторикой, получил в руки официальный государственный инструмент для вынесения вердиктов о «правильности» и «законности» религий.

Назначение вызвало шок и предсказуемую реакцию как внутри страны, так и за ее пределами. В докладе Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда США за 2009 год отмечалось:

«Александр Дворкин был избран своими коллегами возглавить Экспертный совет. Дворкин является ярким сторонником отнесения религиозных меньшинств к экстремистским культам и «сектам». Его объективность... оспаривается группами религиозных меньшинств и международными наблюдателями».

Внутри России Союз старообрядческих начетчиков выпустил заявление «Против духовной цензуры и инквизиции», где говорилось:

«Очевидно, что подобный состав экспертного совета вкупе с его расширенными полномочиями станет явной угрозой светскому характеру государства, может послужить опасным катализатором межконфессиональной смуты, прологом к началу борьбы с религиозным инакомыслием, притеснением верующих, реставрации духовной цензуры и инквизиции».

Однако эти голоса были лишь частью широкой волны возмущения. Реакция авторитетного российского гражданского общества была немедленной и жесткой.

На конференции «Как преодолеть религиозную нетерпимость, разрушающую наше общество» (Москва, 28 апреля 2009 г.), участники указывали на опасную тенденцию: сращивание властных структур с доминирующими конфессиями и вытеснение независимых экспертов. Это, по их мнению, стало прямым отступлением от конституционного принципа свободы совести. Итогом дискуссии стало открытое обращение к Президенту РФ, где прозвучали предупреждения о рисках системного нарушения прав верующих меньшинств:

«Проявления ксенофобии, национализма и экстремизма стали предметом широкого обсуждения 22 апреля 2009 года на форуме Общественной палаты Российской Федерации "За гражданское согласие – против нетерпимости и экстремизма". Участники форума заявили, что участвовавшие проявления ксенофобии и нетерпимости не могут служить основой социального согласия, взаимопонимания и толерантности в нашем многонациональном и поликонфессиональном обществе, а наоборот, ведут его к расколу, создают благоприятные условия для проявлений реакционных форм экстремизма.

В своих выступлениях Вы, Дмитрий Анатольевич, как Президент Российской Федерации постоянно подчеркиваете и ставите в приоритет проблему обеспечения безопасности нашего многонационального и многоконфессионального государства.

В условиях, когда возрождаются церкви и храмы, религиозные организации и объединения являются мощной созидательной силой. Проявления нетерпимости могут нанести непоправимый вред здоровому функционированию многогранной религиозной жизни в стране, утверждению гуманистических ценностей.

В последние годы становится заметнее, что в федеральных органах власти, в субъектах Российской Федерации, в местном самоуправлении чиновники разных уровней передают свои прямые функции представителям РПЦ. Данное

обстоятельство вызывает особую обеспокоенность общественности, ибо это противоречит принципам религиозной свободы, закрепленным в Конституции РФ».

Среди подписантов были председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, председатель Комитета за гражданские права Андрей Бабушкин, экс-депутат Госдумы Виктор Черепков, а также представители мусульманского сообщества, Гильдии российских адвокатов, сайентологов и Общества Сознания Кришны. В обращении прямо указывалось, что создание совета в таком составе является нарушением Конституции, поскольку государственные функции передаются ангажированным представителям одной конфессии. Состав совета был назван некомпетентным, состоящим не из профессиональных религиоведов, а из представителей «православного сектоведения», которое было охарактеризовано как «антинаучное направление». Сама личность Дворкина была названа «совершенно одиозной». Это обращение наглядно продемонстрировало, что уже в момент своего назначения Дворкин и его совет были полностью дискредитированы в глазах значительной части российского общества, однако государство сознательно проигнорировало эти предупреждения.

Теперь правовой инструмент давления был не просто выкован — его передали в руки главного инквизитора страны, который продолжает занимать этот пост, несмотря на непрекращающуюся критику.

При Комитете Государственной Думы по развитию гражданского общества и вопросам общественных и религиозных объединений была учреждена так называемая Экспертная группа по «совершенствованию законодательства» в области свободы совести. Но особое внимание привлек состав группы: среди «экспертов» оказался Александр Дворкин. Его деятельность уже не раз приводила к международным скандалам: достаточно вспомнить массовые протесты в Индии, где оскорблённые верующие сжигали его чучело на улицах Дели и направляли коллективные обращения президенту России с требованием вмешательства.

В начале 2000-х годов Владимир Путин также высказывался о роли религии в российском обществе и важности межконфессионального согласия. В своем рождественском поздравлении православным христианам России 6 января 2000 года он подчеркнул особую роль Православия в истории и культуре России, назвав его «несгибаемым духовным стержнем» и моральным ориентиром:

«Православие традиционно играло особую роль в истории России. Оно служило не только моральным ориентиром для каждого верующего, но и несгибаемым духовным

стержнем для всего народа и государства. Основываясь на идее любви к ближнему и на заповедях добра, милосердия и справедливости, Православие во многом определило характер российской цивилизации. Его вечные истины, превратившиеся в незыблемые законы жизни, во все века поддерживали людей в горе и в радости, возвращали им надежду и помогали обрести веру. Монументальные ценности христианства, сформулированные две тысячи лет назад, сохранили свой глубокий смысл и по сей день».

Однако, помимо акцента на Православии, Путин также говорил о общих ценностях всех религий и необходимости диалога. В одном из выступлений он подчеркнул, что различные народы должны иметь общие ценности, основанные на религиозных и гуманистических принципах монотеистических религий. В ходе встречи с Главным раввином России Берл Лазаром 3 марта 2005 года, Владимир Путин подчеркнул важность межконфессионального мира и диалога, заявив:

«Российская государственность изначально складывалась в условиях многоконфессиональности. Это не просто древнейшая традиция России — межнациональный и межконфессиональный мир. Симбиоз различных национальностей, этносов и религий и является Россией. В этом наша сила».

На этой встрече он также отметил необходимость сотрудничества и доверия между конфессиями:

«Мы сможем работать эффективно, если будем работать в условиях повышения доверия друг к другу и согласования всех наших действий».

Получив контроль над Экспертным советом, Дворкин и его сторонники начали активно использовать концепцию «духовной безопасности» — идею, закреплённую в доктринальных документах РФ ещё в 2000 году. Эта концепция стала идеологическим обоснованием для кампании против религиозных меньшинств.

«С тех пор Дворкин использовал эту концепцию в качестве основания для кампании против религиозных меньшинств, основанной на паранойе „внешних“ врагов и „чужих“ идей, а также для принятия мер по неправомерному ограничению свободы религии или убеждений российских граждан... Вице-президент FECRIS уже более двадцати лет занимается языком вражды и пренебрежительным отношением к так называемым „сектам“, обвиняя религиозные меньшинства в том, что они являются „иностранными агентами“, действующими как враги России» — Письменное заявление «Координации ассоциаций и участников за свободу совести», 2018 г.

Эта риторика привела к реальным репрессиям, насилию и вандализму в отношении множества групп. Работа репрессивной машины строилась по отработанной схеме. Она начиналась с выбора цели, когда региональные центры РАЦИРС инициировали обращения в прокуратуру с требованием проверить ту или иную религиозную группу. На втором этапе, «экспертизы», прокуратура или суд заказывали заключение у аффилированных с Дворкиным «экспертов». Третий этап — вынесение вердикта, в котором «эксперты» неизменно находили «признаки экстремизма». На четвертом этапе, суде, это заключение принималось как неопровержимое доказательство, что приводило к признанию материалов экстремистскими. Пятый этап, ликвидация, наступал, когда на основании нескольких таких решений прокуратура подавала иск о запрете всей организации. Финальным, шестым этапом становилось возбуждение уголовных дел против бывших членов запрещенной организации просто за совместное чтение священных текстов.

К середине 2010-х репрессивная машина была не только отлажена, но и получила новые инструменты.

В июле 2016 года был принят так называемый «пакет Яровой» — пакет антитеррористических поправок, который резко ужесточил законодательство. Он ввел понятие «незаконной миссионерской деятельности» и фактически запретил ее за пределами культовых зданий, в том числе в жилых помещениях и в интернете. Закон также предоставил спецслужбам широкие полномочия по контролю за частной перепиской, что наблюдатели называли «прямым эхом широких полномочий КГБ».

В докладе 2020 года комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) опубликовала следующее:

«В июле 2016 г. правительство России приняло пакет поправок, получивший известное как “закон Яровой”, который значительно расширил сферу действия и наказания прежних законов о религии и антиэкстремизме. Закон квалифицирует распространение религиозной веры или приглашение на религиозные службы как незаконную миссионерскую деятельность, если она происходит за пределами официально зарегистрированных мест (в том числе в частных домах или через Интернет). Закон позволяет правительству контролировать частную электронную переписку, что наблюдатели охарактеризовали как прямое «эхо широких полномочий КГБ».

К этому времени риторика антикультистов и государства практически слилась, что можно проследить по хронологии:

2000 г.: принята Концепция национальной безопасности, где говорится о «противодействии негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров».

2007 г.: Дворкин заявляет, что НРД «наносит ущерб патриотическим чувствам россиян».

2009 г.: принимается новая Стратегия национальной безопасности, где говорится о «противодействии экстремистской деятельности националистических, религиозных... организаций».

2010 г.: Дворкин читает лекцию «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности» в Институте ФСБ, где озвучивает то, что что «тоталитарные секты» «растут как грибы».

2012 г.: Владимир Путин заявляет, что «тоталитарные секты» «растут как грибы» и «представляют собой явную угрозу обществу».

В 2020 Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) опубликовала следующий доклад:

«Риторика антикультового движения и российского государства заметно сблизились в последующее десятилетие. Вторя опасениям Путина по поводу духовной и моральной безопасности, Дворкин заявил в 2007 году, что НРД намеренно «наносит ущерб патриотическим чувствам россиян». В 2010 году он прочитал лекцию “Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности” студентам Института Федерального бюро безопасности (ФСБ) — главного преемника советского КГБ. В 2012 году Путин заявил, что “тоталитарные секты” “растут как грибы” и “представляют собой явную угрозу обществу”, которую необходимо устранять с помощью правовых механизмов как на местном, так и на федеральном уровне».

Финальным аккордом, закрепившим победу современных карателей под знаменем рейха, стал Указ Президента РФ 2020 года, утвердивший новую редакцию «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». В этом документе на высшем государственном уровне была закреплена идеология, которую годами продвигали Дворкин и РПЦ. В нем прямо говорится о «необходимости защищать традиционные российские духовно-нравственные ценности» и отводится «определенная роль» в противодействии экстремизму Русской Православной Церкви.

В статье «И я продолжаю свой бег» Александр Новопашин, правая рука Дворкина заявил:

«В 2020 году вышел Указ Президента РФ об утверждении новой редакции Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. В нем неоднократно говорится о необходимости защищать традиционные российские духовно-нравственные ценности, носителем которых вот уже более двух тысяч лет является Русская Православная Церковь. Ей же, Церкви, отводится определенная роль в противодействии экстремизму и терроризму. Тем самым государство признает, что без духовно-нравственного просвещения невозможно сплотить народ, наполнить его священным духом патриотизма, невозможно привить ему добродетели, которые позволяют ему называться великим народом».

Давайте вспомним, что говорил Владимир Путин в 2004 году:

«Особый вопрос – административный произвол правоохранительной системы. Здесь также сохраняется база для так называемых внепроцедурных, то есть не предусмотренных законом действий сотрудников различных органов и служб.

Между тем граждане — это не объект воздействия карательной машины. Государство включая его силовые структуры должно прежде всего работать на граждан, защищать их права, интересы, собственность, не говоря уже о защите их безопасности и самой жизни».

Но что же происходит на практике? Частная, псевдонаучная и ксенофобская идеология группы антикультистов, чьи центры продолжают получать финансовую поддержку как от РПЦ, так и от российского правительства, прошла путь от маргинальных брошюр до официальной стратегии национальной безопасности.

История создания и применения закона «об экстремизме» показывает, как правовая система может быть извращена и поставлена на службу идеологии ненависти. Это не было случайностью или ошибкой. Это был продуманный, многоэтапный проект по созданию универсального оружия для подавления любого, кто осмелится мыслить и верить иначе, чем предписано «традицией».

Под предлогом защиты от террористов и сектантов в России была выстроена машина, способная перемолоть любую группу, объявленную «чужой». Эта машина лишила миллионы граждан их конституционного права на свободу совести, разрушила тысячи жизней и создала в обществе атмосферу страха и подозрительности.

Законодательный механизм влияния, выкованный в 2002 году и доведенный до совершенства в 2006-м, оказался пугающе эффективным. Он не только сокрушил стены «сект», но и пробил огромную брешь в фундаменте российской государственности, подменив верховенство права правом сильного и волей идеологически мотивированного меньшинства. Инквизиторы XXI века добились своего: они написали инструкцию по подавлению инакомыслия и заставили государство исполнять ее с пугающей точностью.

Дворкин в интервью делился:

«Вернемся к сегодняшним дням. На Ваш взгляд, законодательство сегодня скорее помогает ограничивать секты или напротив: законы требуют доработки, чтобы процесс был более эффективным?»

Александр Дворкин: Это очень сложный вопрос, я был в рабочей группе при сенаторе Мизулиной, которая пыталась разработать противосектантское законодательство. Процесс этот непрост, противосектантское законодательство при нынешнем положении дел вряд ли возможно, потому что все те предложения, которые вносились, больше били по традиционным религиозным организациям, которые, в отличие от сект весьма законопослушны.

Поэтому вопрос этот, действительно, достаточно сложный. Если уж действительно разрабатывать противосектантское законодательство, то нужно глубоко вдаваться в юридическую тему. Например, в преамбуле к закону “О свободе совести” четыре религии объявляются традиционными для России: православие, ислам, иудаизм и буддизм. Но в самом законе никак не поясняется что же значит — “традиционная”. Фактически, этих “традиционных религий” у нас нет, а есть лишь заявление о намерениях, сам же закон не определяет, что это такое».

В своем годовом отчете за 2020 год Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) рекомендовала Государственному департаменту США определить Россию как «страну, вызывающую особую озабоченность» в связи с продолжающимися, систематическими и вопиющими нарушениями свободы вероисповедания.

Глава 5. Манипуляции с экспертизами и наукой

«В номенклатуре ВАКовских специальностей нет специальности сектовед, это не научное, а антинаучное "направление"» — Елена Элбакян, доктор философских наук, профессор.

В арсенале инквизиции всегда было два главных инструмента: меч и догма. Меч карал тело, но догма, облеченная в форму неоспоримой истины, подчиняла душу и разум. Она делала насилие не просто возможным, а справедливым, легитимным, даже богоугодным. Инквизиторы XXI века, в совершенстве освоили этот второй, куда более тонкий инструмент. Их догмой стала псевдонаука, а их верховными толкователями — самопровозглашенные «эксперты».

ПРОЕКТ «СЕКТОВЕДЕНИЕ»

Фундамент любой успешной манипуляции — создание собственной, замкнутой системы координат, в которой идеи звучат как аксиомы. Александр Дворкин, вернувшись в Россию, столкнулся с проблемой: в рамках существующей академической науки — социологии религии, религиоведения — его идеи о «тоталитарных сектах» и «контроле сознания» были маргинальны и давно раскритикованы мировым научным сообществом. Признанные российские и зарубежные ученые не видели в новых религиозных движениях (НРД) той экзистенциальной угрозы, о которой кричал Дворкин.

Столкнувшись с этой стеной, он не стал пытаться ее пробить. Он решил построить рядом свою собственную, параллельную научную вселенную. Так родился проект под названием «сектоведение».

Главным парадоксом и одновременно ключом к успеху проекта «Сектоведение» стала фигура его создателя. Как мы помним из первой главы, Александр Дворкин не имел ни одной ученой степени, признанной в России. Его американский диплом доктора философии (Ph.D.) был получен по специальности «история Средних веков». Это делало его специалистом по Византии или истории церкви, но никак не экспертом в современной социологии, психологии или юриспруденции — тех самых областях, где он начал выносить безапелляционные вердикты.

Эта академическая «безродность» в российской системе оказалась его главным козырем. Он был свободен от оков научного метода, рецензирования и критики со стороны коллег по цеху, потому что у него не было этого цеха. Вместо этого он создал свой собственный. Титул «профессора ПСТГУ» (православного вуза) и загадочная для чиновников аббревиатура «Ph.D.» создавали необходимый флер учености, не требуя реального подтверждения компетенций.

Он не изучал реальность — он конструировал ее под заранее заданную идеологическую рамку. В своей главной книге, ставшей «библией» для его последователей, он прямо признавался, что общепринятые научные определения ему не подходят:

«Это определение [Ожегова] для нас слишком расплывчатое, согласно ему, ни одну из разбираемых в этой книге групп мы не можем назвать сектой (во всяком случае, в России), потому что ни одна из них не отделялась от Православной Церкви» — А.Л. Дворкин, «Сектоведение».

Это откровенное признание в подгонке реальности под ответ. Вместо того чтобы следовать за фактами, Дворкин создал собственную терминологию («тоталитарная секта», «деструктивный культ»), которая позволяла ему клеймить любую неугодную группу.

МЕТОДОЛОГИЯ СЛУХОВ И ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

Научный метод требует строгой работы с источниками, верификации данных и непредвзятости. «Научный метод» Дворкина был его полной противоположностью. Как отмечали настоящие ученые, анализировавшие его труды, его «экспертизы» строились на крайне сомнительном фундаменте:

Вымышленные свидетельства: Основным источником информации служили рассказы «бывших адептов», часто эмоционально заряженные, непроверяемые и представленные без какой-либо критики.

Газетные публикации: Желтая пресса и скандальные телерепортажи, которые часто сами же антикультисты и инициировали, использовались как «доказательства» преступной деятельности «сект».

Анонимные интернет-сообщения: Форумы и сайты, где анонимные пользователи делились страшилками, становились источником «фактов» для официальных докладов.

Предвзятая интерпретация: Религиозные тексты вырывались из контекста, а догматы любой религии об «истинности» своего пути трактовались как «пропаганда исключительности» и, следовательно, «экстремизм».

Лондонский профессор Марат Штерин, анализируя доклад Дворкина для немецкого Бундестага, разгромил его как методологически уязвимый, основанный на слухах и предвзятом отборе информации.

Но для целей инквизиции это было неважно. «Сектоведение» не было наукой в строгом смысле слова. Это была идеологическая дисциплина по производству обвинительных заключений. Ее задача заключалась не в поиске истины, а в фабрикации компромата, упакованного в наукообразную обертку.

СЕТЬ РАЦИРС В РЕГИОНАХ

Один человек, даже такой деятельный, как Дворкин, не мог обеспечить «экспертное» сопровождение репрессий по всей огромной стране. Нужна была система, сеть, фабрика. Такой фабрикой по производству заказных экспертиз стала созданная в 2006 году Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

РАЦИРС объединила под крылом Дворкина десятки региональных «антисектантских» центров, которые, как правило, базировались при местных епархиях РПЦ. Это была гениальная по своей сути франшиза. Дворкин давал им методологию, терминологию, идеологическое обоснование и свой авторитет «главного сектоведа». Они, в свою очередь, становились его руками, глазами и ушами на местах.

Так был запущен конвейер, работавший по отлаженной и пугающе эффективной схеме.

В 2000 году, перед своими первыми выборами на пост президента, Владимир Путин в открытом письме к российским избирателям определил демократию как «диктатуру закона». Он подчеркнул, что все государственные институты, включая суд, милицию и прокуратуру, должны служить закону, а их прямая и единственная задача — защита людей, а не ведомственные интересы. Это высказывание отражает его видение демократии как системы, основанной на строгом соблюдении правовых норм и защите прав граждан. Еще в 2000 году эти слова Владимир Путин, занимавший в то время пост председателя правительства России, произнёс в интервью

журналисту Сергею Доренко, подчёркивая при этом ориентацию страны на «демократический вектор» развития:

«Демократия — это диктатура закона, а не тех, кто по должности обязан этот закон отстаивать. Думаю, нелишне напомнить: суд выносит решения именем Российской Федерации и обязан этому высокому имени соответствовать. Милиция и прокуратура должны служить закону, а не пытаться "приватизировать" данные им полномочия с пользой для себя. Их прямая и единственная задача – защита людей, а не ложных представлений о чести мундира и своих ведомственных интересов».

Вместе с тем, параллельно с этим заявлением президента продолжала функционировать отлаженная антикультистами система. Процесс производства «экспертизы» был стандартизирован и напоминал работу конвейера. На первом этапе, инициации, местный филиал РАЦИРС, активист или священник подавали заявление в прокуратуру или Центр «Э» (Центр по противодействию экстремизму) с требованием проверить деятельность неугодной религиозной группы. Затем наступал этап заказа: следователь, не имея специальных знаний, но видя созданный активистами «общественный резонанс», назначал экспертизу. На третьем этапе, выбора «эксперта», дело поручалось «проверенному» специалисту — как правило, сотруднику РАЦИРС или лояльному теологу. Четвертый этап — это сам «анализ»: назначенный «эксперт», игнорируя контекст и полевые исследования, искал в предоставленных материалах заранее определенные «маркеры экстремизма», такие как утверждения об истинности своей веры. На пятом этапе выносился вердикт: на основании этих «маркеров» писалось заключение, где, к примеру, христианский догмат о спасении только через Христа превращался в «пропаганду превосходства». Финальный этап, легализация, происходил в суде, где судья, не вдаваясь в научные тонкости, клал это заключение в основу обвинительного приговора, что вело к запрету литературы и последующей ликвидации самой организации.

Этот конвейер работал безотказно. Он позволял в любом регионе России получить нужное «экспертное» заключение для возбуждения дела против любой неугодной группы. Это была уже не кустарная работа одиночек, а промышленное производство «доказательств».

К концу 2000-х годов антикультисты имели свою «науку», свою сеть «экспертов» и поддержку в силовых структурах. Но для полной легитимации им не хватало главного — официальной государственной печати. Им нужно было, чтобы их частная идеологическая лавочка получила статус государственного органа.

И она получила такой статус с назначением Александра Дворкина председателем Экспертного совета в 2009. Государство добровольно отдало ключи от научной легитимности в руки идеологического фанатика. С этого момента любое заключение, подписанное Дворкиным или членами его совета, приобретало для судов и прокуратуры вес неоспоримой истины. Частное мнение стало государственной позицией. Механизм был полностью собран с расплывчатого закона «об экстремизме» (Глава 4). Далее официальный государственный орган (совет при Минюсте), который трактует этот закон, находя «экстремизм» в любом инакомыслии. И правоохранительная и судебная система, принимающая эти «экспертизы» как руководство к действию. Инквизиция получила официальную лицензию на свою деятельность.

КАК СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ ПРЕВРАЩАЛИ В ЭКСТРЕМИЗМ

Получив в руки такой мощный инструмент, как государственный Экспертный совет, антикультисты развернули свою деятельность в полную силу. Их «экспертизы» стали основным доказательством в сотнях дел по всей стране. Детальный анализ их методологии выявляет набор повторяющихся манипулятивных приемов.

Прием №1: «Лингвистика ненависти» и подмена понятий

Самым распространенным методом стало проведение так называемых «лингвистических экспертиз». Их суть сводилась к поиску в религиозных текстах «признаков возбуждения ненависти либо вражды» и «пропаганды исключительности».

Как это работало на практике? Возьмем классический христианский догмат, присутствующий и у православных, и у католиков, и у протестантов, и у Свидетелей Иеговы: *«Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»* (Деяния 4:12), имея в виду Иисуса Христа.

С точки зрения теологии и религиоведения: это фундаментальное утверждение о единственности пути к спасению в рамках данной религиозной доктрины. С точки зрения «эксперта»-сектоведа: это прямое заявление о превосходстве христианства над всеми остальными религиями (исламом, буддизмом, иудаизмом) и атеизмом. Следовательно, это пропаганда исключительности по религиозному признаку, что является одним из ключевых определений экстремизма в российском законе.

С помощью этой уловки можно было объявить экстремистским практически любой священный текст — Библию, Коран, Талмуд. И это не было теорией. Апогеем

этого абсурда стало признание экстремистским современного перевода Библии, используемого Свидетелями Иеговы — «Перевода нового мира». Суд на полном серьезе запретил Священное Писание, опираясь на заключение «экспертов», нашедших в нем «пропаганду превосходства».

Прием №2: Патологизация верующих через концепцию «контроля сознания»

Когда в текстах не удавалось найти прямого «экстремизма», в ход шла тяжелая артиллерия — «психолого-психиатрическая экспертиза». Здесь использовался набор псевдонаучных, но очень пугающих для обывателя и судьи терминов:

«Контроль сознания» (*mind control*)

«Подавление воли»

«Деструктивное психологическое воздействие»

«Формирование зависимости»

Эти понятия, не признанные мировой академической психологией и психиатрией, подавались как доказанные научные факты. Любая сильная общинная жизнь, строгая дисциплина, авторитет лидера, требование следовать моральным нормам или активная миссионерская деятельность трактовались как «симптомы» «психологического насилия».

Как отмечают независимые эксперты, концепция «контроля сознания» в том виде, в котором ее используют антикультисты, не признается академической психологией и социологией религии. Этот псевдонаучный термин используется для патологизации верующего, представления его не как человека, сделавшего осознанный выбор, а как безвольную «жертву». Это дегуманизирует верующих и оправдывает репрессивное вмешательство.

Верующий, который посвящал много времени своей общине, становился «жертвой контроля сознания». Человек, делавший пожертвования, — «жертвой финансовой эксплуатации». Ребенок, воспитываемый в религиозной семье, — «жертвой психологического насилия, лишаящей его свободы выбора».

Эти «экспертизы» были особенно разрушительны, так как они били не по книгам, а по людям. Они давали «научное» обоснование для разрушения общин, для изъятия детей из семей и для дегуманизации верующих, представляя их не как свободных граждан, а как безвольных зомби.

Ряд СМИ сообщал о случаях, когда специалисты этого направления за вознаграждение проводили негативные экспертизы и выступали в судах с целью

дискредитации конкретных лиц. В этих делах основным исполнителем часто называли Александра Дворкина.

Деятельность Дворкина напоминает сотрудничество апологетического центра Вальтера Кюннета с нацистскими службами (СС, СД) сопровождалось публикацией директив по «борьбе с сектантством». Небольшие религиозные общины заносились в реестры, им приписывались ярлыки «правонарушителей» и «врагов», а результаты «научной обработки» подгонялись под идеологию режима. Это приводило к арестам и запретам религиозных организаций, чаще всего без доказательной базы. Чтобы не приводить никаких дополнительных аргументов, которые позволили бы провести юридическую экспертизу, запреты обосновывались стереотипными формулировками вроде: «На основании Указа Президента Рейха о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. секта... на всей территории Рейха запрещена». Как подчёркивал профессор Йоахим Фест, этот указ стал «самым важным законом Третьего рейха», поскольку заменил верховенство права режимом произвольных репрессий. Сам указ, изданный после поджога Рейхстага на основе статьи 48 Веймарской конституции, резко ограничил свободу слова, печати и собраний, что стало ключевым шагом к установлению нацистской диктатуры.

История сфабрикованных экспертиз в России начала XXI века — это не просто история о судебных ошибках или некомпетентности отдельных специалистов. Это история о целенаправленном и успешном проекте по подмене науки идеологией.

Антикультистское движение во главе с Александром Дворкиным совершило то, что не удавалось сделать даже тоталитарным режимам прошлого в таком масштабе: оно не просто заставило науку замолчать, оно создало ее уродливого двойника — послушную, циничную и смертоносную псевдонауку, которая с готовностью обслуживала репрессивную машину.

Последствия этой диверсии оказались куда глубже, чем просто запрет десятков религиозных организаций и тюремные сроки для тысяч верующих.

Когда государство в лице Министерства юстиции и судов официально легитимизирует шарлатанство, оно подрывает доверие к любой экспертизе. Оно стирает грань между знанием и мнением, между фактом и пропагандой. В этой мутной воде становится возможным все: можно запретить Библию, можно объявить йогу «деструктивным культом», можно посадить человека за совместное чтение молитв.

Инквизиторы прошлого опирались на авторитет Бога и Церкви. Инквизиторы XXI века нашли себе нового, куда более могущественного в современную эпоху покровителя — авторитет Науки. Они надели белый халат поверх черной рясы, и это сделало их практически неуязвимыми. Они доказали, что самое страшное оружие — это не то, что убивает тело, а то, что калечит разум, подменяя стремление к истине волей к власти.

Глава 6. Машина в действии: Конкретные кейсы и судьбы людей

Это рассказ не о «сектантах». Это рассказ о гражданах России — учителях, инженерах, пенсионерах, духовных лидерах, — чья единственная вина состояла в том, что их вера не вписывалась в рамки, очерченные «сектоведами» и утвержденные государством. Это голоса тех, кого машина пыталась заставить замолчать. Это истории о том, как запущенный Дворкиным и его соратниками конвейер по производству «врагов» начал выдавать свою страшную продукцию: уголовные дела, тюремные сроки и разрушенные судьбы.

РАЗГРОМ СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ — ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ КАЗНЬ

Свидетели Иеговы стали главной и самой масштабной жертвой этого конвейера. Кампания против них длилась годами. Десятки их публикаций, включая журнал «Сторожевая башня», были внесены в Федеральный список экстремистских материалов на основании заключений аффилированных с Дворкиным экспертов.

20 апреля 2017 года Верховный Суд РФ, опираясь на накопленную «доказательную базу», признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 местных организаций экстремистскими, запретив их деятельность и конфисковав имущество. В этот день Верховный Суд Российской Федерации вынес решение, которое шокировало международное правозащитное сообщество. Опираясь на стопки «экспертиз», подготовленных в значительной степени аффилированными с РАЦИРС специалистами, суд признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 местных религиозных организаций «экстремистскими». Позже, в 2019 году, экстремистским был признан даже их перевод Библии — «Перевод нового мира».

Юридическим основанием послужило обвинение в «пропаганде превосходства» своей религии над другими — абсурдное по своей сути обвинение, которое можно предъявить практически любой конфессии. Реакция главного идеолога кампании была цинично-откровенной. Александр Дворкин приветствовал решение, назвав запрет не веры, а самой организации, «очень умным» ходом, который позволит «отсечь денежный поток». Для тысяч верующих этот «умный ход» стал началом личного ада.

После решения Верховного Суда по всей стране была развернута беспрецедентная по своим масштабам кампания преследования. Это не были единичные случаи — это был системный, хорошо скоординированный каток. Обыски на рассвете, многомесячные заключения в СИЗО и реальные тюремные сроки для людей, чье преступление заключалось в совместном чтении Библии. Основным инструментом стала статья 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации), которая в первом полугодии 2023 года отправила за решетку 78 человек по всей стране, причем большинство из них — именно Свидетели Иеговы.

В начале 2000-х годов Владимир Путин позиционировал себя как сторонник демократии, основанной на верховенстве закона, и признавал важность религиозных ценностей для общества, подчеркивая при этом необходимость межконфессионального диалога и общих моральных принципов, присущих различным религиям. Его риторика в этот период отражала стремление к укреплению государственности через правовые и моральные основы, а также к поддержанию стабильности в многонациональном и многоконфессиональном обществе.

Из речи Владимира Путина, тогдашнего председателя правительства России, произнесённой 1 сентября 2009 года в Гданьске на церемонии, посвящённой 70-й годовщине начала Второй мировой войны:

«Нам нужно излечить общество от заразы ксенофобии, расовой ненависти, взаимного недоверия, построенного на циничном передергивании или грубой фальсификации истории.»

Современная цивилизованная политика должна основываться на общих моральных и единых правовых принципах. Убежден, что только в этом случае мы сможем перевернуть трагическую страницу истории Второй мировой войны – во имя памяти павших и ради мирного будущего наших детей».

11 декабря 2018 года на заседании Совета по правам человека (СПЧ). В ответ на выступление члена СПЧ Екатерины Шульман, которая обратила внимание на то, что «Свидетели Иеговы» не призывают к насилию, Путин сказал:

«Мы должны одинаково относиться к представителям всех религий - это правда, но все-таки учитывать страну и общество, в котором мы живем, тоже нужно. Правда, это совсем не значит, что мы представителей религиозных сообществ должны зачислять в какие-то там деструктивные, даже не то что в

террористические организации. Конечно, это чушь полная, надо внимательно с этим разобраться, здесь я с вами согласен».

Несмотря на это заявление, преследования не прекратились. В феврале 2019 года пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, комментируя продолжающиеся уголовные дела, заявил, что Кремль оперирует понятиями законности, а деятельность этой организации в России является незаконной согласно решению суда.

Реакция Дворкина была циничной и откровенной. Он публично одобрил запрет, назвав его «значительным шагом на пути к защите прав всех граждан России», и добавил, что запрет самой организации, а не веры, был «очень умным» ходом для «отсечения денежного потока». Как отмечалось в заявлении Юридического центра защиты прав и достоинства личности при РАЦИРС для «Интерфакс-Религия»:

«Мы расцениваем решение суда как закономерный акт справедливости, гуманности и доброй воли государства, направленной на защиту прав человека, на оздоровление общественно-политической ситуации в нашей стране».

Для тысяч верующих это «умное» решение обернулось обысками, арестами, пытками и реальными тюремными сроками. Международное сообщество отреагировало резко. Женева, 4 апреля 2017 года. Три эксперта ООН по правам человека — г-н Дэвид Кей (США), Специальный докладчик по вопросу о свободе мнений и их свободном выражении; г-н Майна Киаи (Кения), Специальный докладчик по вопросу о свободе мирных собраний и ассоциаций; и г-н Ахмед Шахид (Мальдивы), Специальный докладчик по вопросу о свободе религии или убеждений — осудили действия российского правительства, инициировавшего запрет деятельности Свидетелей Иеговы по законодательству о борьбе с экстремизмом. Эксперты подчеркнули:

«Этот иск представляет собой угрозу не только Свидетелям Иеговы, но и свободе личности в целом в Российской Федерации».

В заключении они обратились к властям с призывом:

«Мы настоятельно призываем власти отозвать иск в соответствии со своими обязательствами по международному праву в области прав человека, а также пересмотреть законодательство о борьбе с экстремизмом и практику его применения, чтобы избежать нарушений основополагающих прав человека».

Майна Киаи также раскритиковал предложенный запрет, заявил он «Форуму 18» 20 марта 2017 года:

«Российское правительство утверждает, что Свидетели Иеговы являются экстремистской организацией, но на самом деле именно их решение полностью запретить их выглядит крайностью».

А ЕСПЧ в 2022 году признал решение суда незаконным. Но внутри России маховик репрессий это уже не остановило.

Ни один случай не демонстрирует работу репрессивной машины так наглядно и масштабно, как кампания против Свидетелей Иеговы. Эта религиозная организация, известная своей аполитичностью и пацифизмом, стала идеальной мишенью — достаточно крупной, чтобы ее уничтожение стало громким сигналом для всех остальных, и в то же время неспособной оказать силовое сопротивление.

Методы Дворкина в отношении Свидетелей Иеговы повторяли стратегию Вальтера Кюнета: оба начинали именно с этой группы, используя её как «откатанную схему» для отработки методов контроля. Дворкин, как и Кюнет, формировал списки, собирал информацию через официальные и полувластные структуры и постепенно превращал религиозные организации в инструмент репрессии и подавления инакомыслия, создавая механизм, который можно было затем применять к другим религиозным меньшинствам.

Краткая выдержка из сути постановления суда:

«Суд установил, что определения [российских судов] были составлены в общих чертах, без подробного анализа оспариваемых религиозных текстов или практик. Они не продемонстрировали, как именно Свидетели Иеговы проявляли или призывали к насилию, разжиганию ненависти или дискриминации... Таким образом, вмешательство в свободу религии и объединений заявителей не было основано на соответствующем и достаточном обосновании».

Суд постановил, что российские власти должны принять все меры для прекращения уголовного преследования «Свидетелей Иеговы» и освободить уже заключенных. Решение ЕСПЧ было вынесено уже после того, как Россия была исключена из Совета Европы (март 2022 года) и после принятия в РФ закона о неисполнении постановлений ЕСПЧ, вынесенных после 15 марта 2022 года. Поэтому российские власти заявили, что это решение не будет исполнено, и оно не повлияло на правоприменительную практику внутри страны. Преследования «Свидетелей Иеговы» продолжились.

ГЕОГРАФИЯ И СЦЕНАРИЙ РЕЙДОВ

Волна репрессий прокатилась по всей стране, от Калининграда до Приморья, наглядно демонстрирует не только географический размах этой кампании, но и пугающую корреляцию: очаги наиболее интенсивных преследований (выделенные на карте красным и оранжевым цветом) зачастую совпадают с расположением региональных центров РАЦИРС, что подтверждает их роль в инициировании дел на местах.

Сценарий рейдов был пугающе однообразным, будто скопированным с методички. Шесть утра. В дверь врываются вооруженные люди в масках и камуфляже — ОМОН, ФСБ. Внутри — пожилая пара, семья с детьми. Их грубо поднимают с кроватей, укладывают на пол. Начинается многочасовой обыск. Изымают не оружие или наркотики, а Библии, религиозные брошюры, личные дневники.

Эти скоординированные действия не были случайностью или перегибами на местах. Они стали возможны благодаря системному сращиванию силовых структур и судебной власти, о котором предупреждали даже бывшие сотрудники системы.

«Идет недовольство [руководством] со стороны офицеров ФСБ. Они увольняются, говорят о происходящих там внутри порядках, о том, что ФСБ стала сегодня спрутом, который командует прокуратурой, следствием, судом» — Геннадий Гудков, бывший офицер ФСБ.

Это свидетельство «изнутри» объясняет, почему процент оправдательных приговоров в России стремится к нулю (менее 0.5%), а дела, основанные на сомнительных «экспертизах», почти гарантированно заканчиваются обвинительным вердиктом. Машина работает как единый организм, где «эксперт» пишет донос, следователь возбуждает дело, а суд выносит приговор.

Символом этой кампании стало дело датчанина Денниса Кристенсена. 25 мая 2017 года он был арестован в Орле прямо во время богослужения. После почти двух лет в СИЗО, 6 февраля 2019 года, суд приговорил его к шести годам колонии. По сути, его осудили за то, что он продолжал исповедовать свою веру. Этот приговор стал сигналом: пощады не будет.

Машина, отладившая свои механизмы на Свидетелях Иеговы, начала искать новые цели, доказывая, что ее аппетиты не ограничены одной конфессией.

ДЕЛО САЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Церковь Саентологии, со своей сложной иерархией и западными корнями, стала следующей удобной мишенью. Сначала, в 2021 году, связанные с ней иностранные

организации были признаны «нежелательными». А в декабре 2023 года Санкт-Петербургский городской суд, действуя по уже знакомому сценарию, признал «Саентологическую церковь Санкт-Петербурга» экстремистской организацией и запретил ее деятельность. Тот же лексикон, те же юридические инструменты. Машина работала без сбоев.

ДЕЛО «ГОРОДА СОЛНЦА»: РАЗГРОМ ОБЩИНЫ ВИССАРИОНА

В сентябре 2020 года в сибирской тайге развернулась настоящая войсковая операция. С участием вертолетов и бойцов спецназа были арестованы лидеры «Церкви Последнего Завета»: Сергей Тороп (Виссарион), Вадим Редькин и Владимир Ведерников. Их обвинили в создании организации, посягающей на личность и права граждан. Этот случай разрушил миф о том, что преследуют только «иностранных агентов». Община Виссариона — чисто российский феномен. Это означало, что под удар может попасть любое инакомыслие, вне зависимости от его происхождения, даже возникшее на российской почве.

ИНДУИСТЫ И МУСУЛЬМАНЕ ПОД УДАРОМ

Деятельность Александра Дворкина в отношении индуизма вышла за рамки внутренней религиозной полемики и переросла в серию международных скандалов, серьезно осложнивших отношения между Россией и Индией.

Начало открытой конфронтации положил громкий процесс 2011 года над «Бхагавад-Гитой как она есть» — священным текстом для миллионов индуистов. По инициативе Дворкина и при поддержке прокуратуры Томска была предпринята попытка признать эту книгу экстремистской. Данный шаг был воспринят в Индии как беспрецедентное оскорбление религиозных чувств. Скандал достиг дипломатического уровня: индийский министр иностранных дел публично назвал суд «абсурдом», а у посольства России в Дели прошли массовые акции протеста. В результате российской дипломатической миссии пришлось приносить официальные извинения.

Однако на этом кампания не закончилась. Дворкин, по свидетельствам, начал кампанию целенаправленной травли Пракаша Джи, президента Центра «Шри Пракаш Дхам», в 2015 году. Однако его антииндуистская риторика проявилась задолго до этого. Уже в своей книге по сектоведению, изданной в 2008 году, он заявлял, что индуизм якобы является ядром «религий Антихриста», формируя почву для

последующих нападок и дискредитации индуистской традиции в России. Около 2017 года Дворкин и возглавляемая им организация перешли к прямому давлению на индуистские общины в России. Сообщалось о случаях, когда к духовным лидерам и активистам применялись силовые методы: проводились внезапные проверки, звучали угрозы и заявления о том, что «Россия — православная страна» и для индуизма в ней «нет места». Известный случай произошел в ноябре 2017 года: российские власти провели обыски в ашраме Пракаша Джи и его квартире, изъяв документы и технику, но не найдя никаких признаков противоправной деятельности.

Как сообщил Прасун Пракаш изданию Newsweek, что во время полицейского рейда Прасун обратил внимание на странную деталь. По его словам, один из сотрудников полиции «продолжал повторять: *“Это обычный полицейский обыск, Дворкин тут ни при чём”*».

Несмотря на отсутствие обвинений, давление продолжилось: Прасун рассказал TheDCNF, что они с отцом обратились в УВД ЗАО, чтобы пожаловаться на обыски и заявить о своей невиновности. Однако там на них напал разгневанный мужчина с вытатуированной на шее свастикой, который начал кричать Пракашу Джи в офисе, что индуизму нет места в России: «Россия — православная страна, и примесям из-за рубежа здесь делать нечего». Несмотря на это, индуистской общине удалось отстоять свои права в суде, а протесты в Индии продолжились, порой принимая резкие формы, вплоть до сожжения чучела Александра Дворкина.

Депутат Валерий Рашкин направил запросы в ФСБ, Генпрокуратуру, Минюст и МИД с требованием проверить деятельность российского сектоведа Александра Дворкина.

Новая волна преследований была отмечена в 2019 году, когда Дворкин начал систематические нападки на российских предпринимателей, исповедующих индуизм. По их заявлениям, они подвергались давлению с целью заставить их отказаться от своей веры. В ответ на эти действия последовали заявления в правоохранительные органы и публичные петиции с требованием остановить то, что верующие называли «экстремистской деятельностью» самого Дворкина.

Идеологической основой этой многолетней кампании служили радикальные высказывания Дворкина, в которых он открыто демонизировал индуизм, называя его «религией антихриста». Используя свое влияние в качестве главы экспертного совета при Минюсте РФ, он способствовал созданию сети лояльных экспертов, которые

готовили заключения о «признаках экстремизма» в индуистских текстах и практиках, вырывая цитаты из контекста.

«Индуизм, особенно в его оккультном аспекте, питает, быть может, образует ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий Антихриста. Современный индуизм и, прежде всего, гуруистские секты — это миссионерский вызов Церкви Христовой, на который ей ещё предстоит дать достойный ответ», — писал Дворкин в книге «Сектология. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования».

Таким образом, борьба Александра Дворкина с индуизмом превратилась в устойчивую системную практику, которая не только нарушала права верующих внутри России, но и неоднократно ставила под удар стратегическое партнерство двух стран на международной арене.

В отношении ислама деятельность Александра Дворкина давно вышла за рамки внутренней религиозной полемики, вызывая серьезную озабоченность как внутри страны, так и на международной арене.

Начало систематической конфронтации положили многочисленные экспертные заключения и публичные выступления Дворкина, в которых он заявлял о «тоталитарном характере» и «экстремистском потенциале» практически всех течений ислама, кроме официально признанных. Его риторика способствовала созданию в обществе атмосферы подозрительности по отношению к мусульманской религиозной практике. На основании закона об экстремизме были запрещены некоторые организации, такие как «Хизб ут-Тахрир».

В мусульманских кругах Дворкин получил особую известность после своей лекции в Архангельске, которая вызвала широкий скандал. В ходе выступления он допустил ряд оскорбительных высказываний в адрес ислама и пророка Мухаммада. Так, он назвал пророка «смазливый приказчиком» (31:30), иронично прокомментировал его обращение к жене Айше: «умел человек делать комплименты, ничего не скажешь» (35:06), утверждал, что проповедь Мухаммада обрела успех только после обещаний возможности «грабить караваны, насильно обращать людей в новую веру и считать это заслуженной добычей» (34:09). Кроме того, он выделил в качестве «интересной истории» сюжет о любимой жене Мухаммада, при этом ссылаясь на спорные тезисы о ее возрасте, преподнося их как достоверные факты. Эти заявления, подробно зафиксированные публицистом Александром Степановым, были расценены как открытая исламофобия (*IslamNews*).

Около 2017 года возглавляемая Дворкиным организация активизировала давление на мусульманские общины, в частности, на последователей суфизма и другие мирные направления. Сообщалось о случаях, когда к духовным лидерам и активистам применялись силовые методы: проводились внезапные проверки их учебных центров и мечетей, звучали угрозы. Под предлогом «противодействия экстремизму» Дворкин и его сторонники фактически ставили под сомнение легитимность любых форм ислама, выходящих за узкие, санкционированные государством рамки.

Новая волна критики была отмечена в 2019 году, когда Дворкин инициировал публичные нападки на российских предпринимателей-мусульман и благотворительные фонды, связанные с мусульманской общиной. По их заявлениям, они подвергались давлению, а их деятельность представлялась как «финансирование радикальных группировок» без предоставления веских доказательств. В ответ на эти действия следовали заявления от представителей общин в правоохранительные органы с жалобами на разжигание религиозной розни.

Идеологической основой этой кампании служили радикальные высказывания Дворкина, в которых он отождествлял широкие слои мусульманства с «сектоподобными структурами» и «идеологической диверсией». Используя свое влияние в экспертных кругах, он способствовал созданию сети лояльных экспертов, которые готовили заключения о «признаках экстремизма» в исламской литературе и проповедях, часто вырывая цитаты из контекста.

Таким образом, борьба Александра Дворкина с исламом превратилась в устойчивую системную практику, которая не только нарушала права верующих внутри России, сея межконфессиональную рознь, но и наносила удар по имиджу страны на международной арене, особенно в отношениях с мусульманским миром.

«ЗАКОН ЯРОВОЙ» И ЖИЗНЬ В ГЕТТО

Помимо громких показательных процессов, репрессивная машина создала систему постоянного, изматывающего давления на «нетрадиционных» верующих. Главным инструментом этого повседневного террора стал принятый в июле 2016 года «пакет Яровой».

Эти поправки ввели понятие «незаконной миссионерской деятельности». Фактически, любой разговор о своей вере или приглашение на богослужение вне стен официально зарегистрированного культового здания могли быть расценены как

правонарушение. Рассказал соседу о Боге? Поделится религиозной ссылкой в интернете? Тебя могут оштрафовать.

Для протестантских церквей, чья вера предполагает активную проповедь, это стало удавкой. Конференции и съезды начали срывать силовики. Пастор из Калуги Альберт Раткин в начале 2022 года так описал положение своей общины:

«Нас загнали в настоящее гетто».

Это короткое, но емкое определение точно описывает атмосферу, в которой оказались миллионы верующих в России. Это не всегда тюрьма, но это постоянный страх, унижение и ощущение себя гражданином второго сорта.

За каждой цифрой в судебной статистике, за каждым номером уголовного дела стоит живой человек, чья жизнь была сломана. Учительница, которую уволили из школы из-за ее веры. Инженер, который не может найти работу, потому что числится в базах как «экстремист». Семья, вынужденная бежать из страны, бросив все, чтобы не оказаться в тюрьме.

Абстрактные юридические конструкции, выкованные в тиши кабинетов, обернулись реальными слезами, болью и разрушенными жизнями. Это был не просто результат действия закона, а исполнение «негласных распоряжений» — политически мотивированных директив, о существовании которых свидетельствовали даже бывшие сотрудники силовых структур.

Историк Хорст Юнгингер отмечает, что если в 1931 году было собрано около 150 досье на религиозные и нерелигиозные идеологические сообщества, а двумя годами позже — уже около 250, то к 1936 году архивные списки насчитывали порядка 500 «опасных» групп и сект. Жёсткие методы, которые впоследствии использовало гестапо как до, так и во время Второй мировой войны, во многом были заимствованы у антикультовых организаций, в частности у Апологетического центра, созданного радикально настроенной частью Протестантской церкви. Само антикультовое движение имеет глубокие исторические корни: от преследования и казни Иисуса Христа до инквизиции. Эти предшественники современных антикультистов на протяжении веков адаптировались к обстоятельствам, меняя форму, но неизменно сохраняя сущность — репрессии и насилие, вплоть до геноцида. Радикальные взгляды протестантской церкви и её Апологетического центра сформировались задолго до идей Адольфа Гитлера. Исследователи подчёркивают, что Гитлер фактически реализовал инструкции Лютера против евреев, а уже существующий церковный антисемитизм во многом определил характер немецких национальных

движений и сам нацизм. Таким образом, вектор репрессий против евреев и инакомыслящих был задан ещё до появления гестапо. А что мы наблюдаем сегодня?

Идеологическая борьба, начатая Александром Дворкиным и его сторонниками, успешно завершилась. Они не только добились своего, но и с гордостью рапортовали об успехах. В 2013 году, еще до пика репрессий, Дворкин подвел итог своей двадцатилетней деятельности:

«За 20 лет нашей деятельности мы, как минимум, изменили общественное мнение. Нам удалось добиться возбуждения уголовных дел по деятельности целого ряда тоталитарных сект, а некоторые из них — даже закрыть».

Это признание — эпитафия на могиле российской свободы совести. Конструкторы страха добились своего. Машина, которую они спроектировали и построили, заработала на полную мощность. И ее безжалостные жернова продолжают перемалывать человеческие судьбы и по сей день.

Глава 7. Международная реакция: Взгляд правозащитников и юристов

«Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное её исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» — Первая поправка к Конституции США.

Пока в России набирала обороты машина репрессий, спроектированная и запущенная идеологами «борьбы с сектами», остальной мир не оставался безмолвным наблюдателем. Наступление на фундаментальные права и свободы, тщательно замаскированное под «противодействие экстремизму», было слишком очевидным и грубым, чтобы его можно было игнорировать. С трибун Организации Объединенных Наций, со страниц докладов Государственного департамента США, в залах заседаний Европейского суда по правам человека и в отчетах ведущих правозащитных организаций звучал нарастающий хор обеспокоенности, который со временем перерос в прямое осуждение.

Юристы, дипломаты и правозащитники по всему миру анализировали российское законодательство и правоприменительную практику, приходя к единому и неутешительному выводу: под вывеской борьбы с угрозами национальной безопасности в России была развернута полномасштабная война против инакомыслия.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ТРЕВОГА НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Организация Объединенных Наций, созданная на руинах Второй мировой войны для защиты мира и прав человека, стала одной из первых и наиболее авторитетных площадок, где прозвучала критика российских антиэкстремистских законов. Механизмы ООН, от специальных докладчиков до Совета по правам человека, систематически указывали на несоответствие действий России ее международным обязательствам.

Специальные докладчики ООН — это независимые эксперты, уполномоченные Советом по правам человека изучать ситуацию с правами человека в конкретной стране или по определенной тематике. Их оценки имеют огромный вес, поскольку основаны на международном праве, а не на политической конъюнктуре.

Еще до катастрофического запрета Свидетелей Иеговы в 2017 году, эксперты ООН били тревогу. Специальный докладчик по вопросу о праве на свободу мирных собраний и ассоциаций Майна Киаи подверг резкой критике саму логику российских властей. Его комментарий, сделанный в марте 2017 года, стал квинтэссенцией международного взгляда на происходящее:

«Российское правительство утверждает, что Свидетели Иеговы являются экстремистской группировкой, но на самом деле их решение полностью запретить их деятельность выглядит экстремистским».

В этой короткой фразе была заключена вся суть проблемы: государство, призванное защищать от экстремизма, само начало действовать экстремистскими методами, запрещая целую религию за мирное исповедание своих убеждений.

После 2017 года и начала массовых репрессий критика только усилилась. В 2022 году была учреждена должность Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации, которую заняла Мариана Кацарова. Ее доклады стали систематической хроникой распада правового государства в России. В своем докладе Совету по правам человека в 2024 году она констатировала:

«В стране действует организованная, санкционированная государством система нарушений прав человека, закрепленная в новом или пересмотренном законодательстве, используемая для подавления гражданского общества, инакомыслия и политической оппозиции. ...Существует высокий риск сурового наказания за публичные проявления несогласия, особенно для лиц и групп, подвергающихся дискриминации по признакам пола, сексуальной ориентации, политических взглядов, религии, принадлежности к коренным народам или меньшинствам».

Доклады Кацаровой официально зафиксировали на уровне ООН то, о чем писали правозащитники: преследование религиозных меньшинств было не отдельным эксцессом, а частью общей стратегии по подавлению любого инакомыслия.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ООН: РАЗОБЛАЧЕНИЕ ДВОРКИНА И FECRIS

Важную роль в информировании ООН играли неправительственные организации (НПО), имеющие консультативный статус. Они доносили до международных чиновников информацию «с полей», разоблачая конкретных акторов и механизмы репрессий.

В 2018 году «Координация ассоциаций и участников за свободу совести» (CAP-LC) представила в Совет по правам человека ООН письменное заявление, в котором прямо назвала имя главного идеолога российских гонений — Александра Дворкина, и указала на его связь с международной антикультовой сетью FECRIS.

Это заявление имело огромное значение. Оно показало, что российский антикультизм не является сугубо внутренним явлением, а представляет собой часть международной сети (FECRIS), которая, пользуясь своим статусом, экспортирует и легитимизирует практики подавления. Правозащитники, в том числе Human Rights Without Frontiers (HRWF), прямо призывали ООН лишить FECRIS консультативного статуса за поддержку ее вице-президентом Дворкиным запрета Свидетелей Иеговы в России.

Таким образом, на уровне ООН была выстроена полная картина: от критики репрессивных законов до идентификации конкретных виновников и их международных покровителей.

РЕАКЦИЯ США

Правительство Соединенных Штатов, в силу своего законодательства и политической традиции, уделяет пристальное внимание вопросам свободы вероисповедания по всему миру. Два ключевых органа — Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) и Государственный департамент — вели постоянный мониторинг ситуации в России, и их оценки были однозначно негативными.

Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) — это независимый двухпартийный федеральный орган, который консультирует Президента, Конгресс и Государственного секретаря. Ее доклады являются одним из самых авторитетных источников по данной теме.

USCIRF забила тревогу еще в 2009 году, после того как Александр Дворкин возглавил Экспертный совет при Министерстве юстиции РФ. Именно это событие стало для Комиссии поворотным моментом, после которого она впервые включила Россию в свой «контрольный список» (Watch List) серьезных нарушителей свободы вероисповедания. В отчетах USCIRF прямо указывалось:

«Александр Дворкин был избран своими коллегами возглавить Экспертный совет. Дворкин является ярким сторонником отнесения религиозных меньшинств к

экстремистским культам и „сектам“. Его объективность... оспаривается группами религиозных меньшинств и международными наблюдателями».

После запрета Свидетелей Иеговы и начала массовых арестов позиция USCIRF стала еще жестче. Начиная с 2017 года, Комиссия ежегодно рекомендовала Государственному департаменту признать Россию «страной, вызывающей особую озабоченность» (Country of Particular Concern, CPC) — это самый суровый статус, присваиваемый странам, где правительство допускает или осуществляет «систематические, продолжающиеся и вопиющие» нарушения свободы вероисповедания.

В своем специальном докладе 2020 года «Антикультовое движение и религиозное регулирование в России и бывшем Советском Союзе» USCIRF представила исчерпывающий анализ, в котором вся цепочка событий была выстроена воедино:

Лоббирование. РПЦ и антикультовое движение во главе с Дворкиным активно продвигали принятие репрессивного закона 1997 года.

Инструментализация закона. Расплывчатый закон «об экстремизме» 2002 года стал главным инструментом для преследований.

Захват экспертизы. Назначение Дворкина главой Экспертного совета Минюста в 2009 году дало ему официальный мандат на репрессии.

Слияние риторики. Идеология антикультистов о «тоталитарных сектах» и «угрозе национальной безопасности» была полностью воспринята российским государством и лично президентом Путиным.

USCIRF пришла к выводу, что антикультовое движение не просто влияло на политику, а стало ее неотъемлемой частью, создав высокоэффективную кампанию дезинформации с разрушительными последствиями для прав человека.

Ежегодные доклады Государственного департамента США о свободе вероисповедания в мире также содержали резкую критику российского законодательства. Американские дипломаты и юристы указывали на его фундаментальные пороки еще в середине 2000-х.

В докладе о свободе вероисповедания в мире за 2009 год отмечалось:

«Закон об экстремизме 2002 года с поправками, внесенными в июле 2006 года, может повлиять на религиозные группы, особенно мусульманские группы, путем криминализации широкого спектра высказываний и действий. Поправки 2006 г.

допускают предъявление обвинений в экстремизме, если утверждается, что лицо защищало или выражало сочувствие лицам, уже обвиненным в экстремизме».

Госдепартамент указывал на юридическую абсурдность закона, который позволял преследовать людей не за насилие или призывы к нему, а за слова, убеждения и даже за сочувствие. Это полностью соответствовало выводам российских и международных правозащитников о том, что закон был изначально спроектирован не для борьбы с терроризмом, а для подавления инакомыслия.

Особую озабоченность у американских наблюдателей вызвала концепция «духовной безопасности», которую продвигали Дворкин и российские власти. В этой концепции они видели паранойю по поводу «внешних врагов» и «чужих идей», которая использовалась как оправдание для неправомерного ограничения свобод.

Таким образом, реакция США была последовательной и хорошо аргументированной. Американские официальные органы не только осуждали конкретные случаи преследований, но и вскрывали сами механизмы репрессий: дефектные законы, предвзятые экспертизы и идеологию ненависти, возведенную в ранг государственной политики.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕРДИКТ

Европейские институты, от политических площадок до высшей судебной инстанции, также вынесли свой вердикт действиям российских властей. Этот вердикт был однозначен: преследование религиозных меньшинств под предлогом борьбы с экстремизмом является грубым нарушением фундаментальных прав, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека.

7 июня 2022 года Европейский суд по правам человека в Страсбурге вынес решение по делу «Управленческий центр Свидетелей Иеговы и другие против России», которое стало сокрушительным юридическим поражением для российской репрессивной машины. Это было не просто мнение, а юридически обязывающее решение высшего суда по правам человека в Европе.

Суд установил, что запрет Свидетелей Иеговы и преследование их верующих нарушили сразу несколько статей Европейской конвенции:

Статья 9 (свобода мысли, совести и религии). Суд постановил, что российские суды не представили ни одного доказательства того, что Свидетели Иеговы призывали к насилию или разжигали ненависть. Их учение, основанное на

пацифизме, было искажено, а утверждения об «истинности» своей веры были неправомерно истолкованы как «пропаганда превосходства».

Статья 10 (свобода выражения мнения). Запрет религиозной литературы был признан непропорциональной мерой и цензурой.

Статья 11 (свобода собраний и объединений). Ликвидация 395 юридических лиц была признана незаконным вмешательством в право верующих на совместное исповедание своей религии.

ЕСПЧ обязал Россию прекратить уголовное преследование Свидетелей Иеговы, освободить всех заключенных и вернуть конфискованное имущество. Суд прямо указал на главный порок всей системы — чрезвычайно широкое определение «экстремистской деятельности», которое позволяет преследовать за мирные высказывания.

Хотя Россия к моменту вынесения решения уже находилась на пути выхода из Совета Европы и отказалась его исполнять, вердикт ЕСПЧ имеет непреходящее историческое и юридическое значение. Он официально закрепил на международном уровне, что вся кампания против Свидетелей Иеговы была основана не на законе и фактах, а на идеологическом преследовании и искажении доказательств.

Еще до решения ЕСПЧ в европейских политических кругах сложилось четкое понимание токсичности российского «антикультизма». Показательным стал инцидент в ноябре 2010 года, когда организаторы слушаний в Европарламенте, посвященных свободе религии в России, отказали Александру Дворкину в участии. Причиной была названа его негативная репутация и деструктивный характер его деятельности. Этот случай продемонстрировал, что на серьезных международных площадках Дворкин воспринимался не как эксперт, а как пропагандист, чье присутствие было неуместным.

Ведущие европейские правозащитные организации, такие как Amnesty International и Human Rights Watch, последовательно осуждали репрессии. Они признавали арестованных Свидетелей Иеговы узниками совести, то есть людьми, лишенными свободы исключительно за мирное выражение своих убеждений.

«Запрет Свидетелей Иеговы в России — это ужасный удар по свободе религии и свободе выражения мнений. ...Это решение криминализует мирную деятельность сотен тысяч Свидетелей Иеговы, превращая их в преступников просто за исповедание своей веры» — Из заявления Amnesty International, 2017 год.

Кроме того, как уже упоминалось, европейские НПО, такие как CAP-LC, вели целенаправленную работу по разоблачению FECRIS — европейской зонтичной организации антикультистов, вице-президентом которой был Дворкин. Они указывали, что FECRIS, получая финансирование в том числе от французского правительства, фактически экспортировала репрессивные модели и способствовала нарушениям прав человека в России, тем самым дискредитируя европейские ценности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Особую тревогу у международных наблюдателей вызывали исторические параллели, которые прослеживались в действиях российских властей. Гонения на религиозные меньшинства, основанные на дегуманизирующей пропаганде и сфабрикованных обвинениях, напоминали о самых темных страницах истории XX века.

Мемориальный музей Холокоста США в своем заявлении прямо указал на эту страшную преемственность:

«Холокост учит нас опасности спонсируемых государством нападений на любую группу. Хотя происходящее в России совсем не сравнимо с нацистской Германией, важно помнить, что нацистская партия воспринимала Свидетелей Иеговы как угрозу государству и подвергала их интенсивным преследованиям».

Это предупреждение было адресовано не только России, но и всему миру. Оно напоминало о том, что язык вражды, дегуманизация и преследование меньшинств, начинающиеся с «безобидной» борьбы с «сектами», могут привести к катастрофическим последствиям.

Сами российские критики, такие как писатель Александр Дорохов, сравнивали методы Дворкина с деятельностью средневековых инквизиторов, которые объявляли инакомыслящих «особями дьявольского рода» и на основании этого отправляли их на костер. Это сравнение, хотя и кажется метафорическим, точно ухватывает суть: замена юридического анализа идеологическим клеймением.

Анализ международной реакции на российское антиэкстремистское законодательство и его применение не оставляет камня на камне от официальной позиции Кремля. Ведущие мировые институты — ООН, ЕСПЧ, USCIRF, Госдепартамент США, авторитетные НПО — пришли к единому, неопровержимому выводу:

Российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» является юридически дефектным инструментом с преднамеренно размытыми формулировками, который используется не для борьбы с насилием, а для подавления свободы совести, слова и собраний.

Деятельность Александра Дворкина и его сети РАЦИРС — это не научное исследование, а идеологическая кампания по разжиганию ненависти, которая получила официальный государственный мандат через контроль над Экспертным советом при Минюсте.

Преследование Свидетелей Иеговы и других религиозных меньшинств является неправомерным, основано на сфабрикованных «экспертизах» и искажении фактов, и представляет собой грубое нарушение как Конституции РФ, так и международных обязательств России в области прав человека.

Международное сообщество не просто высказало «озабоченность». Оно провело детальный юридический и фактологический анализ и вынесло свой вердикт. Этот вердикт был проигнорирован.

Трагедия современной России заключается в том, что этот мощный и единодушный голос разума, права и гуманизма оказался бессилён перед лицом государственной машины, решившей принести в жертву своим идеологическим целям фундаментальные свободы собственных граждан. Международная реакция, задокументированная в этой главе, навсегда останется в истории как свидетельство не только преступлений российского режима, но и пределов влияния мирового сообщества на суверенное государство, избравшее путь самоизоляции и репрессий. Этот вердикт не остановил каток, но он не позволил скрыть его следы.

Глава 8. Серый кардинал

«"Антикультистское движение", получающее финансирование от государства, представители которого входят в правительственные экспертные советы и которое поставляет "нужные" экспертные заключения для показательных процессов, — это неотъемлемая часть репрессивного аппарата государства» — из заявления современного правозащитника.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Традиционная точка зрения представляет РПЦ и российское государство как главных бенефициаров антикультистской кампании. РПЦ устраняла духовных конкурентов, а государство нейтрализовывало источники независимого мышления. В этой модели Дворкин — инструмент. Однако более глубокий анализ фактов предполагает обратное: Дворкин был визионером, а государство и Церковь — его самыми мощными инструментами.

Его гениальность заключалась в том, что он распознал их уязвимости и амбиции и использовал их друг против друга для собственной выгоды.

Это самая циничная и самая материальная часть сделки. «Борьба за души» обернулась борьбой за власть и кошельки. Кампания против «сект» оказалась прибыльным предприятием, построенным на гибридной модели государственного и церковного финансирования, а также на коммерческих практиках.

Так, государство напрямую поддерживало антикультовую инфраструктуру. «Центр св. Ирины Лионского», ключевая структура РАЦИРС, в 2011–2013 годах получил не менее 9,5 млн рублей в виде президентских грантов. Формально деньги предназначались для «помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект». На деле же налогоплательщики, включая членов самих преследуемых религиозных групп, финансировали репрессивный механизм, который затем использовался для их же дискриминации. Так был создан замкнутый, самообслуживаемый контур государственной политики.

Важнейшим источником оставалось и церковное финансирование. РАЦИРС была основана по благословию Патриарха Алексия II, а в докладе ОБСЕ прямо указывалось, что структуры, аффилированные с этой организацией, «полностью финансируются Русской Православной Церковью». При этом отсутствие публичной отчетности превращало церковные дотации в «черный ящик», что делало

невозможной оценкой реального масштаба инвестиций в устранение духовных конкурентов.

Наконец, имели место и коммерческие практики. В ряде публичных исследований (например, на vs.ru) звучали обвинения в том, что РАЦИРС могла брать деньги с религиозных организаций за невключение их в списки «сект». Сама постановка таких обвинений указывает на коммерциализацию «экспертных» услуг. В этом случае угроза попадания в черный список превращалась в инструмент извлечения прибыли. В ряде публикаций деятельность Александра Дворкина и его структур описывается как система поборов с религиозных организаций. Так, в статье *«Дворкин бизнес: как работает религиозная мафия»* утверждается: *«...как работает религиозная мафия? Изначально она берет единовременный платеж-взнос с религиозной организации в размере 10 000 тысяч долларов и затем по 3 тысячи каждый последующий год. Причем сумма никак не зависит от численности организации. При регистрации в Минюсте, например, некоего родноверческого культа через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу на определенных условиях. Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадет в список сектантских. Передав взятку, религиозная организация получает «крышу» от серьезных ребят. Ну и далее — по 3 тысячи долларов ежегодно "на поддержку крыши"».*

Кроме того, ликвидация «экстремистских» организаций, проводимая государством при идейной поддержке антикультовых экспертов, сопровождалась масштабной экспроприацией имущества. После запрета Свидетелей Иеговы в 2017 году у них были изъяты Залы Царства, административные центры и филиалы по всей России. Это стало крупнейшей конфискацией в религиозной сфере за последние десятилетия — актом, оправданным именно теми структурами, которые одновременно финансировались и государством, и Церковью.

Используя Церковь как инструмента, Дворкин предложил РПЦ, которая из всех сил пыталась восстановить своё идеологическое господство после десятилетий советской власти, заманчивое предложение: современный, «научный» метод для устранения всех духовных конкурентов. Он предоставил им готового врага («тоталитарные секты») и псевдонаучный язык («сектоведение», «контроль сознания») для оправдания их искоренения. Взамен он получил самые ценные активы Церкви: её институциональную легитимность, обширную региональную сеть

и, что особенно важно, её финансовую поддержку. РПЦ считала, что нанимает менеджера для своего крестового похода; в действительности же она финансировала строительство частной вотчины Дворкина.

Государству, охваченному страхами перед западным влиянием и внутренней нестабильностью, Дворкин сделал иное, но не менее привлекательное предложение. Он представил религиозные меньшинства как угрозу национальной безопасности — «пятую колонну» иностранных агентов, подрывающих «духовный суверенитет» России. Он предоставил правоохрнительным органам и судебной системе простую и удобную схему для преследования инакомыслия без явных политических репрессий. Государство думало, что приобретает лояльного эксперта для защиты своих границ; на самом деле оно передавало ключевую часть своего аппарата безопасности в руки частного лица со своими собственными планами.

Эта двойная стратегия позволила Дворкину позиционировать себя как незаменимое связующее звено между двумя самыми могущественными институтами России. Он не служил одному хозяину; он делал обоих хозяев зависимыми от себя.

Уничтожая конкурентов, РПЦ под руководством Дворкина утверждала себя в роли единственного хранителя «истинной веры» и «традиционных ценностей». Любая альтернативная духовность объявлялась вредной, чужеродной и опасной. Этот статус был официально закреплён государством. Указ Президента РФ 2020 года, утвердивший новую «Стратегию противодействия экстремизму», прямо отвел Русской Православной Церкви «определённую роль в противодействии экстремизму». Частная конфессия де-факто получила статус государственного идеологического ведомства.

Самым дерзким этапом плана Дворкина было не влияние на государство извне, а захват его механизмов принятия решений изнутри. Это было не партнёрство, а поглощение, по сути, тихий переворот или захват рычагов государственной власти.

Создание Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) в 2006 году стало основополагающим шагом. На практике это была частная разведывательная и силовая сеть Дворкина, франчайзинговая модель репрессий. Он предоставлял бренд, методологию и «экспертное» обучение, а взамен получил общенациональную сеть оперативников, которые систематически проникали в государственные структуры, становясь «главными» экспертами для региональных прокуратур, отделов полиции и судов.

Назначение в 2009 году Александра Дворкина главой Экспертного совета было не просто повышением, это был момент слияния параллельной структуры власти с официальной, а также внедрением «своих» людей.

Государство не просто санкционировало репрессии — оно предоставило для них всю свою инфраструктуру, которую Дворкин умело использовал.

Подконтрольный Дворкину Экспертный совет превратился в фабрику «нужных» заключений. Как отмечала Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF), объективность Дворкина «оспаривается группами религиозных меньшинств и международными наблюдателями». С этого момента любое заключение, подписанное им, становилось для судов почти неопровержимым доказательством.

Российские суды, не обладая собственными компетенциями в религиоведении, превратились в пассивный придаток репрессивной машины, принимая сфабрикованные «экспертизы» от аффилированных с РАЦИРС «специалистов» как истину в последней инстанции. Апогеем этого юридического абсурда стало признание экстремистским материалом перевода Библии «Новый мир», используемого Свидетелями Иеговы.

Дворкин и его соратники годами работали с силовиками, читая им лекции об «угрозе тоталитарных сект». В 2010 году Дворкин выступил с лекцией «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности» перед студентами Института ФСБ. Идеологически подготовленные силовики проводили жестокие рейды, вламываясь в дома верующих, проводя унижительные обыски и применяя насилие.

Одним из ключевых механизмов «параллельной власти», созданной Александром Дворкиным, стало установление им прямых каналов взаимодействия с представителями государственных структур. Его влияние не ограничивалось только сферой церковной миссии или экспертных советов: Дворкин систематически выстраивал связи с чиновниками, представителями силовых органов и местными администрациями.

Эта цитата из интервью бывшего участника РАЦИРС Валерия Отставных прекрасно иллюстрирует, каким образом Дворкин получал доступ к закрытой информации и устанавливал контроль над бюрократическим аппаратом. Она подтверждает, что он не просто занимался пропагандой «сектоведения», а

фактически формировал сеть доверенных лиц внутри государства, что позволяло ему манипулировать следствием и судами, получая инсайдерские сведения:

«— Я думаю, что происходит взаимообмен информацией. Тем более если связи у него на таком уровне — на уровне Министерства юстиции — то, соответственно, информация к ним какая-то может попадать. Работа с чиновниками и силовиками ведь тоже сейчас в тренде у РАЦИРС. Приезжая в какой-нибудь город, Александр Леонидович Дворкин просит собрать, помимо просто студентов вузов, людей в ДК на свободный вход, священников, еще и глав районных администраций, силовиков и так далее. И он уже общается напрямую с ними.»

Схема, выстроенная Дворкиным, имеет поразительные исторические параллели. Она напоминает деятельность немецкого богослова Вальтера Кюнета, основателя «Апологетического центра», который в 1930-е годы активно обменивался информацией с органами государственной безопасности. Как отмечает Deutschlandfunk в материале «Gründung der Apologetischen Centrale vor 100 Jahren», «...dass man auch in einem bestimmten Zeitabschnitt der Geheimen Staatspolizei auch Unterlagen von religiösen Gruppen zur Verfügung gestellt hat» — что означает: «в определённый период времени материалы религиозных групп также предоставлялись в распоряжение Тайной государственной полиции (Gestapo)». Более того, Кюннет направлял письма рейхсминистру внутренних дел Рейха Вильгельму Фрику, подчёркивая свою политическую благонадёжность и верность режиму.

«Сразу после захвата власти Гитлером сотрудники Апологетических центров охотно предоставили Рейху — министерству внутренних дел и пропаганды и секретной государственной полиции — материалы о политическом поведении различных религиозных общин. Таким образом, Spandauer Stelle — хотя и на короткое время — стал сообщником в борьбе нацистского режима против предполагаемых идеологических врагов государства» — из статьи «Von der "Apologetischen Centrale" zur EZW», опубликованной на сайте Международного союза атеистов и конфессионально свободных (IBKA).

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ: ЛЕКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ

Для успешного захвата власти Дворкину требовалась не только институциональная поддержка, но и общественная легитимность. Его обширная лекционная деятельность стала ключевым инструментом для построения имиджа

ведущего эксперта и легитимации его будущих репрессивных заключений. Анализ его лекций выявляет продуманную методологию:

Создание академического образа. Дворкин всегда выступает в роли формального академика, используя профессорский тон, слайды и доски. Это создавало иллюзию научной объективности и высокого авторитета для неподготовленной аудитории.

Формирование публичного профиля. Лекции, широко распространяемые через YouTube и православные медиа-ресурсы, служили основной платформой для популяризации его взглядов и укрепления статуса «ведущего эксперта по сектам». Это публичное признание придавало огромный вес его экспертным заключениям в судах и СМИ.

Самореферентная петля легитимности. Лекции и книги Дворкина (например, «Сектоведение», основанная на его лекционном курсе) начали цитироваться как авторитетные источники в дискуссиях о «сектах». Это создало самоподдерживающуюся систему, где его собственные работы использовались для подтверждения его же авторитета, формируя замкнутый круг доказательств.

Стирание границ. На лекциях его часто представляли как «ведущего эксперта», что стирало грань между его академической деятельностью и ролью в Экспертном совете при Минюсте. Слушатели, включая представителей силовых структур и чиновников, воспринимали его полемические утверждения как официальную государственную позицию, подкрепленную научным авторитетом.

Со слов Дворкина: *«Эксперт – это не тот, кто разбирается, а тот, кого спрашивают»*

Его лекции были также практической демонстрацией методов вербовки, которую он имитировал для своей аудитории, включая силовиков. Он часто использовал ролевые игры для наглядности, превращая академическую аудиторию в интерактивный тренинг по манипуляции. В одном из интервью в 2013 году для Культура он открыто описывал этот метод:

«Мы со студентами разыгрываем ролевые игры: один изображает вербовщика, другой — потенциальную жертву. Это помогает понять механизм вовлечения и выработать психологическую защиту».

А также в интервью для Культура Дворкин говорил:

«Культура: А как вообще сегодня осуществляется антисектантская деятельность?»

Дворкин: В основном на добровольной основе. Так, например, в сентябре мы провели первый в России международный правозащитный молодежный антисектантский форум. В его ходе мы отрабатывали приемы противодействия сектантской вербовке, в том числе в формате ролевой игры, где в качестве «сектантов» выступали мои студенты из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Участники этого слета учились различать вербовщиков тоталитарных сект, правильно строить с ними диалог и в том случае, если имеет место нарушение закона, грамотно составить заявление в полицию.»

Обратите внимание: интервью датировано 2013 годом. Уже с 2009 года Свидетели Иеговы активно фиксировались как «экстремисты», их литература признавалась экстремистской по ряду судебных решений. По словам Дворкина, «невозможно открыть уголовное дело, пока нет пострадавших», что фактически означало необходимость найти таких «пострадавших» для формального закрытия религиозной группы.

Студенты Дворкина на международных молодежных антисектантских форумах обучались «различать вербовщиков сект» и «правильно составлять заявления в полицию». Другими словами, речь шла о том, чтобы фиксировать религиозную принадлежность проповедующего и быстро решать, о чем можно написать в правоохранительные органы — простой, но действенный метод контроля и давления на религиозные меньшинства.

Таким образом, лекции были не просто образовательной деятельностью, а стратегической PR-кампанией по созданию бренда «эксперта Дворкина», который затем был «продан» государству и обществу как единственный надежный арбитр в религиозных вопросах.

РАЗВЕТВЛЕННАЯ СЕТЬ СЕРОГО КАРДИНАЛА

Проведенный глубокий анализ связей Александра Дворкина с представителями СМИ, депутатами, силовыми структурами, экспертами, судьями и законодательными советами позволяет сделать вывод о наличии разветвленной сети влияния, которую он использует для продвижения своих антикультовых интересов в Российской Федерации. Эта сеть включает в себя:

Активное использование СМИ: Дворкин эффективно использует медиа-ресурсы для формирования общественного мнения, распространения своих взглядов и дискредитации религиозных организаций, которые он считает «сектами».

Тесное взаимодействие с силовыми структурами: Проведение лекций, экспертная и консультативная деятельность, а также участие в уголовных делах в качестве свидетеля обвинения демонстрируют его значительное влияние на правоприменительную практику в отношении религиозных организаций.

Позиция в экспертном и научном сообществе: несмотря на критику со стороны части академического сообщества, Дворкин занимает ключевые позиции в экспертных советах и образовательных учреждениях, что позволяет ему формировать официальное экспертное мнение.

Активное участие в судебной системе: Его вовлеченность в судебные процессы, как в качестве стороны, так и в качестве эксперта/свидетеля, напрямую влияет на исход дел и формирование судебной практики.

Воздействие на законодательные процессы: через свою деятельность в Экспертном совете при Минюсте и публичные выступления он активно участвует в формировании законодательной базы, направленной на ужесточение регулирования религиозных организаций.

Таким образом, Александр Дворкин является центральной фигурой в антикультовом движении России, обладающей значительным влиянием на различные сферы государственной и общественной жизни. Его деятельность, основанная на концепции «тоталитарных сект», приводит к формированию определенной правоприменительной практики и законодательства, что, по мнению критиков, может ограничивать свободу вероисповедания и приводить к преследованию религиозных меньшинств.

К середине 2010-х годов система, построенная Дворкиным, достигла ужасающей автономии. Общациональная сеть центров РАЦИРС, идеологически обработанные сотрудники правоохранительных органов, судьи, зависящие от «официальных» экспертных заключений, и расплывчатые, всеобъемлющие антиэкстремистские законы образовали самоподдерживающуюся экосистему репрессий.

Всероссийская кампания против Свидетелей Иеговы, рейды на саентологов и преследование других религиозных меньшинств не были просто приказами из Кремля. Они были логичным, почти автоматическим результатом работы машины, которую собрал Дворкин. Жалоба от регионального оперативника РАЦИРС запускала предсказуемую цепную реакцию: полицейский рейд, «религиоведческая» экспертиза от другого филиала РАЦИРС и судебный приговор, основанный на этом «экспертном»

заклучении. Система больше не требовала личного вмешательства Дворкина в каждом случае, она усвоила его логику и работала самостоятельно.

Это поднимает самый тревожный вопрос: можно ли до сих пор контролировать эту машину, даже её создателями или их покровителями в Кремле? Появляется всё больше доказательств того, что это невозможно. Система создала свой собственный класс бенефициаров — тысячи региональных сотрудников правоохранительных органов, прокуроров и «экспертов», чья карьера и влияние построены на «борьбе с экстремизмом».

Даже высшие эшелоны власти могли стать заложниками этого аппарата. Как отметил один комментатор, даже если бы президент Путин захотел вмешаться, он мог бы оказаться бессилен.

«Путин, даже если он хочет мне помочь, он не может мне помочь. Потому что он не пойдет против своих столпов, которые удерживают его на позиции власти. Его самая большая опора — это Православная Церковь. Он не может пойти против православной церкви, даже если завтра кто-то убьет моего отца. Вот в чем проблема» — Прасун Пракаш, сын преследуемого индуистского лидера (The Daily Caller News Foundation).

Государство искало инструмент контроля, но вместо этого взрастило параллельную власть, которая теперь диктует свои условия. Серый кардинал построил машину настолько эффективную, что она стала незаменимой, а её непрерывная работа — гарантом стабильности системы. Её уже нельзя выключить, не поставив под угрозу всё здание власти, для защиты которого она была создана. Александр Дворкин не просто помог государству подавить инакомыслие, он создал систему, которая во многом подчинила себе само государство.

Глава 9. Идеология ненависти и ее последствия

«Самая радикальная форма беззакония — это когда оно становится законным, то есть когда оно воплощается в законе» — Ханна Арендт.

Идеология ненависти отравляет не только отношение к «врагу». Она разрушает саму ткань общества, уничтожая главный ее компонент — доверие. Атмосфера шпиономании, поиска «сект» и «экстремистов», нагнетаемая годами, привела к глубокой социальной атомизации.

Разрушение горизонтальных связей. В обществе, где сосед может донести на соседа за «неправильные» религиозные собрания, люди перестают доверять друг другу. Любая несанкционированная государством самоорганизация становится рискованной. Человек замыкается в узком кругу семьи, становясь изолированным и уязвимым перед лицом государственной машины.

Страх как инструмент контроля. Постоянная угроза обвинения в экстремизме парализует волю к сопротивлению и гражданской активности. Законы сформулированы настолько расплывчато, что под их действие может попасть любой. Этот перманентный страх — куда более эффективный инструмент контроля, чем прямое насилие. Он заставляет людей заниматься самоцензурой и избегать любых действий, которые могут привлечь внимание «большого брата».

Иллюзия соучастия. Система поощряет доноительство, превращая граждан в невольных агентов репрессивной машины. Это создает у людей токсичное чувство сопричастности к подавлению, разрушая их моральный компас и делая общество в целом более жестоким и нетерпимым.

В результате Россия получила то, к чему стремится любой авторитарный режим: разобщенное, запуганное и пассивное население, неспособное к коллективному действию для защиты своих прав.

А миллионы верующих граждан были лишены человеческого лица. Их вера была сведена к «контролю сознания», их общины — к «преступным сообществам», а их священные тексты — к «экстремистским материалам». Когда на пороге их домов появлялся ОМОН, общество было уже подготовлено. Оно видело не беззаконие, а восстановление справедливости. Слово убило сочувствие задолго до того, как силовики выломали первую дверь.

Возможно, самым разрушительным последствием деятельности правовых надзирателей XXI века стала полная дискредитация самого понятия права. Как мы видели в предыдущих главах, репрессии осуществлялись не вопреки закону, а *посредством* него. Закон был превращен из щита гражданина в дубину государства.

Этот процесс эрозии правосознания шел по нескольким направлениям. Извращение законодательства превратило правосудие в лотерею, где виновность зависит не от деяния, а от воли следователя и «эксперта». Захват Экспертного совета при Минюсте Дворкиным и создание сети «карманных экспертов» РАЦИРС заменили научный анализ идеологическим обслуживанием. Когда «экспертное заключение» становится инструментом обвинения, а не поиска истины, вера в науку и объективность рушится. Судебная система, как правило, пассивно штамповала обвинительные приговоры, основанные на сфабрикованных экспертизах. Это подорвало веру граждан в суд как в место, где можно найти справедливость.

В итоге в обществе утверждается циничное и опасное убеждение: закон — это не то, что написано в кодексе, а то, что выгодно сильным мира сего. Такое правосознание губительно для любой страны. Оно означает смерть правового государства и возврат к архаичному «праву сильного», где любой человек беззащитен перед произволом власти.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Идеология ненависти, ставшая частью государственной политики, запускает в общественном организме процесс медленного некроза. Ее разрушительное воздействие не ограничивается судьбами прямых жертв. Оно затрагивает все сферы жизни, отбрасывая страну в ее развитии на десятилетия назад.

Рост ксенофобии и нетерпимости является одним из самых очевидных последствий. Язык вражды, отработанный на «сектантах», легко переносится на другие группы, будь то мигранты или политические оппоненты, делая общество в целом более агрессивным и нетерпимым к любому отличию.

В сфере подавления гражданской активности механизмы, созданные для борьбы с религиозными меньшинствами, такие как закон об экстремизме и статус «нежелательной организации», стали универсальным инструментом для уничтожения любого независимого гражданского общества, от правозащитных НКО до экологических движений.

Это приводит к интеллектуальной и культурной деградации. Атмосфера страха и доноительства убивает критическое мышление, свободу творчества и научную дискуссию. Талантливые и мыслящие люди либо замолкают, либо уезжают из страны, что вызывает массовую «утечку мозгов».

Наступает и духовная стагнация. Уничтожение духовного многообразия и насаждение монополии одной конфессии ведет не к расцвету, а к упадку. Лишенная конкуренции и критики, доминирующая религия костенеет, превращаясь из живой веры в формальный идеологический ритуал.

Наконец, все это выливается в международную изоляцию. Систематические и вопиющие нарушения базовых прав человека, осужденные всеми ведущими международными инстанциями, превращают страну в изгоя, подрывая ее репутацию, экономические связи и культурный обмен.

История российского антикультизма — это трагический пример того, как группа идеологически мотивированных фанатиков, заручившись поддержкой авторитарного государства и жаждущей монополии церковной корпорации, смогла отравить целое общество. Они обещали защитить его от «деструктивных культов», но на деле разрушили основы правового государства. Они говорили о «духовной безопасности», но принесли лишь страх и недоверие.

Идеология ненависти, получив государственную власть, неизбежно начинает пожирать общество изнутри, оставляя после себя лишь выжженное поле, на котором еще долго не смогут взойти ростки свободы, доверия и человеческого достоинства. Урожай, собранный инквизиторами XXI века, оказался ядовитым для всех.

Глава 10. Демонтаж демократии: что дальше?

«Существует высокий риск сурового наказания за публичные проявления несогласия, особенно для лиц и групп, подвергающихся дискриминации по признакам пола, сексуальной ориентации, политических взглядов, религии, принадлежности к коренным народам или меньшинствам» — Мариана Кацарова, Специальный докладчик ООН, Доклад Совету по правам человека, 2024 г.

История, рассказанная на страницах этой книги — это анализ технологии медленного, методичного и поразительно успешного государственного переворота, совершенного не танками на улицах, а поправками к законам, сфабрикованными экспертизами и тиражируемой через СМИ ненавистью. На протяжении трех десятилетий мы наблюдали, как частная идеология, импортированная одним человеком, стала официальной доктриной государства, а борьба с мифическими «сектами» — предлогом для демонтажа фундаментальных конституционных свобод.

Завершая это расследование, мы должны ответить на три ключевых вопроса: каков итоговый диагноз созданной системы? Каковы ее долгосрочные последствия для общества? И какие сценарии будущего вытекают из сегодняшней реальности?

Наше исследование показало, что подавление инакомыслия под видом борьбы с «сектами» не было случайной серией событий. Это был системный, многоэтапный проект, который можно разложить на четкие, последовательные шаги:

Идеологическая подготовка (1990-е гг.). Александр Дворкин, не имея признанных в России научных степеней, но обладая американским Ph.D. и поддержкой РПЦ, импортирует в страну концепцию «тоталитарной секты». Он создает организационную инфраструктуру (ЦРИ, затем РАЦИРС) и начинает формировать кадры «сектоведов», вооруженных не научным анализом, а идеологией ненависти.

Медийная обработка (конец 1990-х – 2000-е гг.). Через скоординированную сеть СМИ запускается масштабная кампания по дегуманизации религиозных меньшинств. В общественное сознание вбиваются ярлыки-клейма: «сектант», «зомби», «экстремист». Верующие перестают быть согражданами с иными взглядами и превращаются в «раковую опухоль», подлежащую «уничтожению».

Создание правовой инструмента давления (1997-2002 гг.). При активном лоббировании Дворкина принимаются ключевые репрессивные законы. Сначала Закон 1997 года «О свободе совести» делит религии на «традиционные» и

«второсортные». Затем **Закон 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности»** с его намеренно расплывчатыми формулировками создает универсальный инструмент для преследования любого инакомыслия.

Институциональный захват (2009 г.). Происходит решающее событие: Дворкин становится председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции. С этого момента его частное, предвзятое мнение обретает силу государственного вердикта. Машина получает официальный мандат на репрессии.

Запуск репрессивного конвейера (2010-е гг. – настоящее время). Машина начинает работать на полную мощность. На основании «экспертиз» Дворкина и его сети РАЦИРС выносятся судебные решения, запрещаются книги, а затем и целые организации. Показательная казнь Свидетелей Иеговы в 2017 году становится сигналом для всех. Массовые обыски, аресты, пытки и длительные тюремные сроки становятся рутинной. Машина расширяет цели, нанося удары по саентологам, индуистам, протестантам и даже неортодоксальным православным.

Этот пятиступенчатый процесс — от импорта идеи до тюремных сроков — и есть пример того, как была демонтирована свобода совести в России.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Триумф современных инквизиторов под знаменем рейха оставил после себя не просто сломанные судьбы и разрушенные общины. Он привел к глубоким, системным патологиям во всем общественном организме. Эти последствия будут ощущаться десятилетиями, даже если репрессивная машина остановится завтра.

В сфере правового государства произошла его полная эрозия. Закон превратился из мерила справедливости в инструмент подавления, а институты суда и экспертизы были дискредитированы, укоренив в обществе циничное убеждение, что право — это воля сильного.

Гражданское общество оказалось в состоянии паралича и атомизации. Атмосфера страха и доносительства уничтожила горизонтальные связи, превратив гражданскую активность в синоним риска и сделав общество пассивным, разобщенным и легко управляемым.

В публичной сфере и СМИ произошла нормализация языка вражды. Лексикон ненависти, отработанный на «сектантах», стал нормой и легко переносится на любых «врагов», подменяя культуру диалога культурой клеймения.

Духовная и культурная жизнь столкнулась с принудительной монополией и стагнацией. Уничтожение плюрализма привело к окостенению «традиционных ценностей» и насаждению идеологического суррогата, что вызвало «утечку мозгов» и культурное обеднение нации.

В области национальной безопасности государство, превратив миллионы граждан во «врагов», своими руками создало глубокий внутренний раскол, направляя энергию общества на репрессии вместо созидания.

Наконец, международная репутация России была разрушена. Систематические нарушения прав человека, осужденные ведущими международными инстанциями, привели к глубокой изоляции страны и присвоению ей статуса изгоя.

Итогом тридцатилетней «борьбы с сектами» стало не более безопасное, а более болезненное, более архаичное и менее свободное общество.

Заключение

История российского антикультизма, начавшаяся как частная инициатива группы идеологически заряженных активистов и закончившаяся государственной системой репрессий, оставляет после себя не только тысячи сломанных судеб, но и несколько фундаментальных, универсальных уроков. Эти уроки — горькое лекарство, которое необходимо принять любому обществу, чтобы избежать повторения подобной трагедии.

Урок первый: неопределенность закона — это лицензия на тиранию. Ключевым инструментом демонтажа демократии в России стал закон «О противодействии экстремистской деятельности». Его сила заключалась не в строгости, а в намеренной расплывчатости. Когда «экстремизмом» можно объявить утверждение об истинности своей веры, под запрет попадает не насилие, а убеждение. Закон, лишенный четких определений, перестает быть защитником гражданина и превращается в оружие государства, которое можно направить против кого угодно.

Урок второй: слова вражды. Прежде чем в дверь к Свидетелям Иеговы постучался ОМОН, в общественное сознание постучались слова: «секта», «культ», «зомби». Дегуманизация всегда предшествует репрессиям. Создание языка вражды, превращение сограждан в чужеродный и опасный элемент — это обязательный этап подготовки общества к принятию беззакония. Когда оппонент лишен человеческого лица, насилие над ним становится не преступлением, а санитарной мерой.

Урок третий: «Экспертиза» — это современная форма инквизиции. В XXI веке для оправдания репрессий уже не нужны священные тексты. Нужны «научные» заключения. Захват государственных экспертных институтов идеологами ненависти — это решающий шаг к легитимации произвола. Когда предвзятое мнение ангажированного «эксперта» обретает силу юридического доказательства, наука умирает, а на ее место приходит идеологическое обслуживание репрессивной машины.

Урок четвертый: свобода неделима. Самый трагический урок этой истории — это демонстрация иллюзии «меня это не коснется». Репрессивная машина, отлаженная на одной, казалось бы, маргинальной и непопулярной группе, неизбежно расширяет свои аппетиты. Технологии, отработанные на Свидетелях Иеговы, с легкостью применяются сегодня к политическим активистам, журналистам и всем, кто осмеливается мыслить иначе. Здесь звучит зловещее эхо истории: нацистский

режим в Германии также начинал свой путь с подавления религиозных меньшинств, заклейменных как «секты», и эта тактика стала прологом к тотальному террору и мировой катастрофе. Нельзя защищать свободу для одних, позволяя отнимать ее у других. Атака на права любого меньшинства — это атака на свободу всего общества.

Урок пятый: молчание — это форма соучастия. Демонтаж демократии в России стал возможен не только благодаря активности палачей, но и благодаря пассивности наблюдателей. Общество, которое безразлично смотрит на то, как его сограждан клеймят и бросают за решетку за их убеждения, становится молчаливым соучастником преступления. Страх, безразличие или наивная вера в то, что государство борется с реальной угрозой, вымостили дорогу к нынешней несвободе.

Эта книга — документальное свидетельство того, как одна страна прошла этот путь. Но механизмы, описанные в ней, универсальны. Они могут быть запущены в любом обществе, где страх оказывается сильнее разума, а жажда контроля — сильнее уважения к человеческому достоинству.

Демонтаж демократии никогда не бывает громким. Это не взрыв, а тихий скрип ржавеющих механизмов права и шепот ангажированных экспертов. Эта книга — попытка нарушить молчание соучастников и равнодушных наблюдателей. Но это также и напоминание. Напоминание о том, что после самой страшной катастрофы XX века человечество дало клятву. Нюрнбергский процесс был учрежден как вечное назидание будущим поколениям, чтобы подобное никогда не повторилось. Он заложил фундамент нового международного права, гарантирующего равенство и защиту каждого человека. Сегодня эти принципы попираются, и память о той клятве предается забвению. Голос правды — единственное, что может стать преградой на пути к новой тирании, которая всегда начинается одинаково: с охоты на «других».

Список литературы

Нормативно-правовые акты и доктринальные документы РФ

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24)
3. Министерство юстиции Российской Федерации. Федеральный список экстремистских материалов
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. В частности, статья 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации»
7. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»
8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Включая поправки от июля 2006 г., исключившие уточнение о связи возбуждения розни с насилием или угрозой его применения.
9. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» («Пакет Яровой»)

Судебные решения, приказы и официальные документы

1. Официальные ответы государственных органов Российской Федерации (2011–2013 гг.). Прокуратура Архангельской области, Прокуратура Магаданской области, Прокуратура Хабаровского края, УМВД по Камчатскому краю, УМВД по Приморскому краю, Управление Министерства юстиции по Амурской области, Управление

Министерства юстиции по Республике Башкортостан об опровержении заявлений А. Л. Дворкина о критической ситуации с „сектами“ в регионах

2. Приказ Министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова от 18 февраля 2009 г. О реформировании Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации

3. Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 12 февраля 1998 г. № 4 (138) О недопустимости некорректного использования термина «секта» в СМИ

4. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. по делу № АКПИ17-238 О ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и 395 местных религиозных организаций, входящих в его структуру

5. Решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2021 г. О признании «нежелательными» на территории Российской Федерации двух иностранных организаций, связанных с саентологией

6. Решение Санкт-Петербургского городского суда от декабря 2023 г. О признании «Саентологической церкви Санкт-Петербурга» экстремистской организацией.

Доклады, отчеты и заявления международных и зарубежных организаций

1. Amnesty International. Заявление о признании преследуемых Свидетелей Иеговы узниками совести [Amnesty International. (year). Statement recognizing persecuted Jehovah's Witnesses as prisoners of conscience]. London: Amnesty International.

2. Human Rights Watch. Заявление о признании преследуемых Свидетелей Иеговы узниками совести [Human Rights Watch. Statement recognizing persecuted Jehovah's Witnesses as prisoners of conscience]. New York: Human Rights Watch.

3. Human Rights Without Frontiers (HRWF). Материалы о деятельности FECRIS и А. Л. Дворкина [Human Rights Without Frontiers (HRWF). Reports on the activities of FECRIS and A. L. Dvorkin]. Brussels: Human Rights Without Frontiers.

4. Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда государственного департамента США. (2009). Доклад о свободе вероисповедания в мире [U.S. Department of State, Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. (2009). International Religious Freedom Report]. Washington, DC: U.S. Department of State

5. Европейский суд по правам человека. (2022, 7 июня). Решение по делу «Управленческий центр Свидетелей Иеговы и другие против России» (жалоба № 32740/17) [European Court of Human Rights. (2022, June 7). Judgment in the case of

“Administrative Centre of Jehovah’s Witnesses and Others v. Russia” (Application No. 32740/17)]

6. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF). (2017–2024). Ежегодные доклады с рекомендацией признать Россию «страной, вызывающей особую озабоченность» [United States Commission on International Religious Freedom (USCIRF). (2017–2024). Annual reports recommending the designation of Russia as a “country of particular concern”]. Washington, DC: USCIRF.
7. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF). (2020). Антикультовое движение и религиозное регулирование в России и бывшем Советском Союзе [United States Commission on International Religious Freedom (USCIRF). (2020). The Anti-Cult Movement and Religious Regulation in Russia and the Former Soviet Union]. Washington, DC: USCIRF
8. Координация ассоциаций и участников за свободу совести (CAP-LC). (2018). Письменное заявление в Совет по правам человека ООН о деятельности А. Л. Дворкина и FECRIS [Coordination of Associations and Individuals for Freedom of Conscience (CAP-LC). (2018). Written statement to the United Nations Human Rights Council on the activities of A. L. Dvorkin and FECRIS]. Geneva: United Nations Human Rights Council
9. Мемориальный музей Холокоста США. (год публикации). Заявление о преследовании Свидетелей Иеговы в России и исторических параллелях с нацистской Германией [United States Holocaust Memorial Museum. Statement on the persecution of Jehovah’s Witnesses in Russia and historical parallels with Nazi Germany]. Washington, DC: United States Holocaust Memorial Museum
10. Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации. (2024). Доклад Совету по правам человека [United Nations Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation. (2024). Report to the Human Rights Council]. Geneva: United Nations Human Rights Council
11. Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на свободу мирных собраний и ассоциаций. (2017, март). Заявление о запрете деятельности Свидетелей Иеговы в Российской Федерации [United Nations Special Rapporteur on the rights to freedom of peaceful assembly and of association. (2017, March). Statement on the ban of Jehovah’s Witnesses in the Russian Federation]. Geneva: United Nations Human Rights Council

Книги и публикации

1. Hassan, S. (1990) *Combatting cult mind control: The #1 best-selling guide to protection, rescue, and recovery from destructive cults*. Park Street Press, Rochester, Vermont.
[Combatting Cult Mind Control](#)
2. Steinbach, S. (2016). *Erkennen, erfassen, bekämpfen: Gegnerforschung im Sicherheitsdienst der SS [Identify, Record, Combat: Enemy Research in the Security Service of the SS]*. Berlin: Metropol Verlag
3. Künne, W., & Schreiner, H. (Hrsg.). (1933). *Die Nation vor Gott: Zur Botschaft der Kirche im Dritten Reich [The Nation before God: On the Message of the Church in the Third Reich]*. Berlin: Wichern-Verlag
4. Арндт, Х. (1996). *Истоки тоталитаризма*. Москва: ЦентрКом
5. Даль, В. И. (1863–1866). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Санкт-Петербург: Издание М. О. Вольфа
6. Дворкин, А.Л. (2002) *Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования*. — Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2002.
7. Дворкин, А. Л. (1995). *10 вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным*. Москва: Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского
8. Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (ред.). (1999). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник
9. Священное Писание — *Перевод нового мира*. Издание Свидетелей Иеговы. (Признано экстремистским материалом)
10. Священное Писание. Библия
11. Фест, Й. (2006). *Биография Гитлера и история Третьего рейха*. Москва: Вече

Статьи, интервью, выступления и медиа-материалы

1. 25 лет Путина. Как менялась риторика президента России (2024, 9 августа). Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/let-putina-kak-menyalasj-ritorika-prezidenta-rossii/33070695.html>
2. Klein, M. (2021, 25 августа). Gründung der “Apologetischen Centrale” vor 100 Jahren – Gurus und Heiler durchleuchten. Deutschlandfunk.
<https://www.deutschlandfunk.de/gruendung-der-apologetischen-centrale-vor-100-jahren-gurus-100.html>

3. Ladwig, R. (2004, декабрь). Von der "Apologetischen Centrale" zur EZW. IBKA. <https://www.ibka.org/de/artikel/rundbriefe04/apol.html>
4. VC.ru. VC.ru — бизнес, технологии, стартапы, медиа. <https://vc.ru>
5. Бесспорно. (2014, 3 ноября). Скандал вокруг сектоведения может коснуться Минюста <https://kaliningradlive.com/03112014-16328>
6. Гандоу, Т. (1995, февраль). Выступление в Государственной Думе Российской Федерации
7. Дворкин, А. Л. (2010). Лекция «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности». Институт ФСБ, Москва
8. Дворкин, А. Л. (2013, 15 апреля). Самая опасная секта — та, в которую попали ваши близкие. Интервью интернет-порталу «Культура»
9. Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. (2002). Документы Екатеринбургской конференции «Тоталитарные секты – угроза религиозного экстремизма» <https://iriney.ru/main/dokumentyi/dokumentyi-ekaterinburgskoj-konferenczii-totalitarnye-sektyi-ugroza-religioznogo-ekstremizma.html>
10. Информационное агентство IslamNews. (2018, 24 мая). Околоцерковный механизм исламофобии. Откровение бывшего сотрудника РПЦ <https://islamnews.ru/okolocerkovnyj-mehanizm-islamofobii-otkrovenie-byvshego-sotrudnika-rpc>
11. Крышкина, Л. (2017, 3 марта). Депутат Госдумы Валерий Рашкин предложил проверить деятельность «сектоведа» Александра Дворкина. Babr24. <https://babr24.com/msk/?IDE=156385>
12. Министр юстиции РФ провел в Петербурге закрытую встречу с сектоборцами. (2009, 22 мая). Newsru. <https://www.newsru.com/religy/22may2009/konovalov.html>
13. Оскорбления в адрес Пророка Мухаммеда — нарушение святынь людей, убеждён президент Путин (2021, 24 декабря). Muslim-Forum. <http://muslim-forum.info/happening/mezhdunarodnaya-panorama/oskorbleniya-v-adres-proroka-mukhammeda-narushenie-svyatykh-chuvstv-lyudey-ubezhden-prezident-putin/>
14. Путин, В. В. (2012, 25 октября). Путин призвал усовершенствовать законы для контроля за сектами. <https://er.ru/activity/news/putin-prizval-usovershenstvovat-zakony-dlya-kontrolya-za-sektami>
15. Путин встретился с главным раввином России Лазарем (2005, 3 марта). Newsru. https://www.newsru.com/religy/03mar2005/putin_lazar.html

16. Союз старообрядческих начётчиков. (2009, 7 мая). Против духовной цензуры и инквизиции: Заявление Союза старообрядческих начётчиков в связи с образованием нового религиоведческого Совета при Минюсте РФ Религия и право [сетевое издание], Славянский правовой центр. Archived at Internet Archive: https://web.archive.org/web/20160304091259/http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=214&ELEMENT_ID=2370